

«В главном - единство, в спорном - свобода, во всем - любовь»
Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

2/2022
выпуск 53

Выпускается по благословению Высокопреосвященнейшего Никодима, митрополита Новосибирского и Бердского

*Друг друга
тяготы носите*

И ТАК ВЫ ИСПОЛНИТЕ ЗАКОН ХРИСТОВ...

« Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Митрополит Антоний Сурожский

Как прекрасны и, на первый взгляд, как просты заключительные слова сегодняшнего апостольского чтения: «*Друг друга тяготы носите, и так вы исполните закон Христов...*» — но сколько в них требовательности к нам! Связывая эти слова со Христом, — это означает, что мы должны быть готовы нести тяжесть каждого человека, всякого, будь он нам друг или враг, представляется ли нам его тягота величественной и благородной, или это ношение так же унижительно для нас, как оно оскверняет самого человека.

Христос стал человеком и взял на Себя всю тяжесть не только нашего тварного состояния, но и обстоятельства мира в его падшем состоянии, и больше того: Он поднял на Себя бремя, сокрушающую тяжесть жизни каждого к Нему приходящего: не только больных, не только тех, которые в нужде, не только тех, кто был чист и подвергался

гонению, но и тех, которые купались в грязи, тех, кто действительно, как казалось другим, был плох в самой сердцевине их существа. Но сквозь темноту, ослепляющую людей, Христос видел свет в глубине, Он видел Божественный образ, запечатленный в самых глубинах каждого человека, и к этому образу Он обращался, эту жизнь вечную, покоящуюся в каждом, Он прикосновением, словом пробуждал к Своему присутствию.

Поэтому, слова Павла, что мы должны нести тяготы друг друга, означают, что мы должны обернуться к нашему ближнему именно на основании готовности Христа никогда не отвергнуть никого, никогда не увидеть ни в ком такого человека, для которого нет больше надежды. Когда тяготы, которые нам дано нести, благородны, трагичны, то нам кажется, что нам легко это сделать; легко испытать сочувствие и сострадание к гонимым, быть полным сочувствия и сострадания к тем, кто в отчаянной материальной нужде, кто в душевной муке или кто страдает тем или иным образом. Легко, на мгновение, сострадать с теми, кто болен телесно; но насколько труднее иметь чувство сострадания, устойчивое, неколеблущееся сострадание к тем, кто болеет очень долго и требует нашего внимания из недели в неделю, иногда годами, а иногда десятилетиями. И тем более — к людям, которые расстроены умственно и нуждаются в нашем внимании еще, может быть, больше, кому нужно, чтобы мы были рядом постоянно, поистине несли их на наших плечах: кто из нас способен на это?

Но есть и еще один путь такого ношения тягот друг друга. Примеры, которые я вам дал, были о тяготах, которые бременем лежат на других и которые нам предстоит только разделить, и то на мгновение: мы только на несколько часов навещаем больного; только короткое время несем тяготу тех, кто в душевной муке, в горе, потому что, побыв с ними, поддержав их, выразив всю нашу подлинную озабоченность, мы уйдем и сложим с себя эту тяготу, в то время как другой будет нести ее дальше.

Но насколько бывает труднее, когда бремя ложится на нас самих, и такое бремя, которое не облагораживает нас ни в наших собственных глазах, ни в глазах других, но есть просто чистое, уродливое страдание, бедствие: неодобрительная нелюбовь других, ненависть других, злословие и клевета, и много, много другого, чем наши ближние могут сделать нашу жизнь почти невыносимой для нас. Как трудно тогда думать о них не только как о причине гибели нашей жизни, но как о людях, которые слепы, которые не понимают, что они делают... В ектениях мы молимся, прося Бога быть милосердным к тем, кто ненавидит нас и творит нам злое, которые замышляют и творят зло в отношении нас!

А как часто бывает, что люди и не замышляют ничего, и ничего в виду не имеют, но просто и совершенно бездумны. И тогда, как трудно бывает увидеть этого человека как кого-то, кого мы должны поднять на себя, со всеми последствиями, и привести этого человека перед Бога; привести перед Бога уродство, мелочность, бездумно намеренную жестокость — принести это перед Бога и сказать: Прости, Господи! Они не знают, что они делают!..

И вот, эти слова — такие прекрасные и такие вдохновляющие: несите тяготы друг друга, и так вы исполните закон Христов — требуют от нас великодушия, устойчивости и мужества, и уподобления Христу, далеко превосходящих то, что мы обыкновенно готовы дать большинству людей, даже людям, которых мы любим, чьи тяготы мы готовы поднять на время — а затем предоставляем нести их им самим...

И вот, давайте задумаемся о каждом человеке, знакомом нам, начиная с самых близких, у которых на нас есть права или которые обременяют нас самым своим существованием или тем, как они себя ведут. А за ними — всмотримся дальше, и научимся принимать тяготу и нести ее, как Христос нес: до смерти на кресте. Аминь.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Христос Воскресе! Вновь наступила Пасха Христова. Мы сердечно поздравляем всех читателей журнала «Православная семья» с самым светлым праздником и спешим поделиться с вами размышлениями на непростую, но очень важную для любого христианина тему. «Друг друга тяготы носите...». Как нам вместить сегодня эти апостольские слова? Современный мир раздираем нестроениями и противоречиями. Как важно найти правильную дорогу, поселить в сердце мир и любовь, набраться терпения, мудрости. Всем этим был в полной мере наделен наш дорогой батюшка протоиерей Николай. С тёплых воспоминаний о первом настоятеле нашего прихода мы начали этот номер. Тема продолжает статья «Старость и радость» в рубрике «Наше достояние».

Рубрика «Живая история» знакомит читателей с замечательной купеческой семейной парой Абрикосовых. Они прославились не только уникальными кондитерскими изделиями, но и невероятно широкой благотворительностью. Несение тягот — практический процесс. Как сделать так, чтобы человек, не какой-то далёкий, а близкий к нам, почувствовал реальное облегчение своего груза и при этом не перегрузить самого себя? Об этом — статья в рубрике «Размышления о вечном». Мы несём тяготы в семье, но большая часть жизни современного человека проходит на работе. Как сохранить баланс между интересами личности и коллектива, нужно ли интересоваться проблемами тех людей, что работают рядом? Рубрика «Мысли вслух» предлагает статью на эту важную тему.

Наша жизнь устроена так, что различные тяготы не обходят стороной никого. Но всегда ли надо искать опору, помощь в их несении, может быть, честнее и правильней свой груз нести самому? Да и возможно ли в действительности облегчить тяготы другого человека... Этой спорной теме посвящено размышление-эссе в рубрике «О личном».

Как всегда, для наших юных читателей мы приготовили детские странички «Колокольчики». Старый колокол расскажет для всех Евангельскую притчу как интересную историю, для подростков — рассказ о том, как по-разному люди приходят в храм, а для самых маленьких читателей члены клуба любителей семейного чтения «Ромашка» сочинили пасхальную сказку. Литературные страницы дополнились лирической «Поэтической страничкой». Конечно, наш журнал традиционно отражает жизнь прихода.

В радостные Пасхальные дни мы призываем читателей нашего журнала, наших друзей не забывать о тех, кто живёт рядом с нами. Надо не так много: чуть внимания, немного заботы, малую толику терпения. Ибо только так мы можем исполнить закон Христов. Воистину Воскресе Христос!

Читайте в этом номере:

ИНТЕРВЬЮ

Поминайте наставников ваших... 4

НАШЕ ДОСТОЯНИЕ

Старость и радость 9

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Абрикосовы спешили делать добро 12

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕЧНОМ

Друг друга тяготы носите 14

МЫСЛИ ВСЛУХ

Коллектив — инструкция по выживанию 18

О ЛИЧНОМ

Размышления в дороге 20

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Рассказы старого колокола. Чудо о дружбе 22

Стучите, и отворят вам... 25

Крестословица 28

Давайте никогда не ссориться 29

ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЧКА

В саду. Весна. Пасха 30

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Весенний дождь 31

ЖИЗНЬ ПРИХОДА

Приходской дом 35

МОЛИТВА О ВОССТАНОВЛЕНИИ МИРА

Владыко Многомилостиве Господи, Иисусе Христе, Боже наш, молитвами Всепречистых Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, святых равноапостольных великого князя Владимира и великая княгини Ольги, святых Новомучеников и исповедников Церкви наша, преподобных и богоносных отец наших Антония и Феодосия, Киево-Печерских чудотворцев, Сергия, игумена Радонежского, Иова Почаевского, Серафима Саровского и всех святых, благоприятну сотвори молитву нашу о Церкви и о всех людех Твоих.

От единых купели Крещения, еже при святем князе Владимире, мы, чада Твои, благодать восприяхом, — дух братолюбия и мира в сердцах наших навеки утверди!

Иноплеменным же языком, брани хотящим и на Святую Русь ополчающимся, — запрети и замыслы их ниспровергни.

Благодатию Твоею власти предержащие ко всякому благу настави, воинов — в заповедях Твоих утверди, лишенная крова — в дома введи, голодные — напитай, недугующая и страждущая — укрепи и исцели, в смятении и печали сушим — надежду благу и утешение подаждь, на брани убиенным — прощение грехов и блаженное упокоение сотвори.

Исполни нас яже в Тя веры, надежды и любви, яко да во всех странах наших единем усты и единем сердцем исповемся Тебе, Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу, со Безначальным Твоим Отцем, Пресвятым Благим и Животворящим Твоим Духом во веки веков. Аминь.

12 марта 2022 года отошёл ко Господу первый настоятель нашего прихода протоиерей Николай Фокин. Кем он был для нас? Истинным добрым пастырем, неутомимым тружеником, молитвенником и заступником. Мы, не всегда разумные чада, то и дело обращались к нему за помощью, советом или поддержкой. Каждый нёс свои беды под надежное тихое пристанище. Он умел находить простые и мудрые слова, поддержать, утешить по-житейски. Мы, не задумываясь о тяжести, взваливали свои бремена на плечи батюшке. Он никого не отталкивал. На его глазах росли наши дети. Он крестил малышей, утешал нас в непростом родительстве, понимал, принимал. И молился. Неутомимо, неустанно, невзирая на немощь. Как горько осознавать, что никогда уж не начнется для нас Великий пост с его проникновенной молитвы: «Не отврати лица Твоего...». Своим незлобием, мирным духом он сумел из разных людей создать настоящую церковную семью, общину. Как важно нам не растерять этот общинный дух, не стать просто формальным собранием. Не ссориться, даже если наши точки зрения по разным вопросам не совпадают... Поддерживать друг друга и молиться так же искренне и самоотверженно, как это делал отец Николай. Это станет лучшей памятью о нём. Предлагаем воспоминания наших прихожан о дорогом батюшке. Вечная ему память!

ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ...

Память — зыбкое свойство ума, избирательная сила: что-то помнит, что-то нет, а что-то придумывает. Вроде, это был 1991 год, конец лета. На тот момент я закончил десятый класс и волей случая оказался на одном мероприятии. Дом Учёных поселка Краснообск. Просторная комната, длинный стол, по обе стороны которого сидят разновозрастные люди — члены православной общины Краснообска, — во главе стола сидит священник, отец Николай Фокин. Первая встреча священника с приходом, прихода со своим пастырем. Незнакомые лица, мне как-то неуютно. Напротив сидит девушка, смотрит на меня в упор, спрашивает:

— Ты уже исповедовал свои грехи?
— Грехи?

— Да, грехи (с нажимом).
— Н-нет (робко). А как это?...
— Как-как? Выворачиваешь себя наизнанку! Всю подноготную! Аж пот градом!

— Должно быть стыдно?
— Хм, стыдно. А ты не грешил! Иди на исповедь (приказным тоном). Все-все о себе расскажешь, как миленький (торжествуя).

От таких слов уверенной в себе собеседницы стало как-то совсем тоскливо. Невольно бросил взгляд на дверь, потом на батюшку. Его облик выражал само добродушие: может не так уж и страшна эта исповедь? Остался. Уже позже,

неоднократно исповедуясь у отца Николая, замечаю, глядя из под епитрахили, как дрожит большой палец его левой руки, опирающейся на край аналоя. Вот звучит разрешительная молитва. Тепло возложенных на мою голову рук священника сквозь епитрахиль согревает душу. Иногда на исповеди он кратко обличал:

— Может самоуверенностью согрешил?..

— Ну, наверное... — неохотно соглашаюсь, ведь со стороны виднее.

Иногда звучало: «Ах, молодость, молодость...»

Исповедоваться у отца Николая мне всегда было легко. Он умел сопереживать и не возносился над кающимся грешником.

Летом 1997 года, после окончания Томской Духовной семинарии, куда я попал не без участия батюшки, состоялось наше с супругой венчание. Отец Николай из Новосибирска приехал в Томск помолиться за нас. В семейном альбоме фотография: батюшка в синем подряснике одной рукой держит меня, стоящего на амвоне, за щеки, тянется поцеловать. Почти семьсот километров туда и обратно, только чтобы поздравить с венчанием и помолиться за молодоженов.

Став уже священником, спрашиваю его советов: «Не слушаются, как быть?» «Исподволь, исподволь...» — отвечает отец Николай. Понимание этого «исподволь» пришло только с годами.

Отец Николай не любил спорить, лезть на рожон, торжествовать победу. Таким он мне запом-

нился. Был добродушен, деликатен и мягок. На одном приходе мы прослужили вместе 16 лет. За это время бывали и ссоры между нами. Но мирилось почти сразу. Идешь на службу, а он, увидев тебя еще издали, первый машет рукой и искренне радуется тебе. «На великодушном почивает Бог», — говорит преподобный Сисой Великий.

Любитель поспать с утра, я иной раз опаздывал на службу. Он по-отечески журил: «Я тоже люблю поспать, бывает совсем трудно утром встать, но я заставляю себя. Ко всему, особенно к добру, нужно себя нудить!» Требовательный к себе, он снисходил к другим.

Однажды подвозил батюшку до дома. С нами в машине была помощница настоятеля по стройке храма. Та, обсуждая проступок одного работника прихода, больше всего злилась на то, что отец Николай очень мягко с ним обошелся. «Жестче! Жестче, отец Николай, нужно было! Нельзя спуска ему давать! Нельзя!» И то ли сам факт того, что ему, настоятелю, читают нотации, да еще в таком тоне, то ли от того, что эти нотации были в корне неверны, отец Николай не выдержал: «Ну почему?! Почему мы — такие злые?! Неужели, ну, неужели нельзя быть добрее??» В машине повисла тишина. Каждый погрузился в свои думы.

Отец Николай очень ценил классическую музыку, особенно церковное пение. С какой любовью он исполнял великопостные песнопения, великие прокимны: «Не отврати лица Твоего...», «Да исправится молитва моя...», «Покаяния отверзи ми двери...» Его красивый баритон наполнял своды храма, и какая-то грусть и серьезность осеняли душу. Батюшка очень любил храмовое богослужение, ставил его во главу угла, ревностно его совершал. Радел о том, чтобы служба была по уставу, читали внятно, пели красиво и молитвенно. Не раз я был свидетелем того, как отец Николай, желая удостовериться в том, что на клиросе будут певчие, брал телефон и, подмигнув мне, начинал их обзванивать. И если кто-то по каким-то причинам не изъявлял желания придти, уговаривал не пропускать службу (ох уж это «исподволь!»). На клиросе всегда хватало и чтецов, и певчих.

Будучи весьма образованным, отец Николай никогда этим не кичился. В свое время он преподавал немецкий язык, занимался научной деятельностью. Телефонные номера он набирал по памяти.

Батюшка не был выдающимся проповедником или оратором. Не любил «водянистые» экспромты, без начала и конца, со смыслом, размазанным «по тарелке». Проповеди он обычно читал. Но как он их читал! Однажды я заглянул в книгу проповедей св. Иоанна Кронштадтского, приготовленную отцом Николаем для чтения. Некоторые слова в книге были подчеркнуты, или даже зачеркнуты и заменены на более современные, более понятные, кое-где поставлены ударения и галочки — смысловые акценты. Сразу видно, какую работу с тек-

стом провёл батюшка, как ответственно он относился к проповеди Слова Божия.

Призванный к священству в зрелые годы, все свои силы он отдал Церкви, созидавая общину и строя величественный храм — главное дело своей жизни.

Уже будучи совсем больным, заштатным клириком, отец Николай не оставлял храм, стараясь по возможности участвовать в богослужении.

В этом году, на первой седмице Великого поста, в среду на литургии Преждеосвященных Даров, при соборном служении, батюшка в последний раз молился вместе со всеми, сидя в своей коляске. Отец Александр Реморов, настоятель храма, причастил отца Николая святых Христовых Тайн. Трогательная картина: два старца, один подносит к устам другого святой потир: Христос посреди нас! И есть, и будет!

До упокоит Господь в Своих блаженных обителях душу раба Своего, приснопамятного протоиерея Николая Фокина.

Священник Дионисий Михалёв

В 1992 году наша церковная община получила официальный статус православного прихода во имя иконы Божией Матери «Казанская». Настоятелем был назначен иерей Николай Фокин. Для него это был первый приход на стадии его организации. Мы, вместе с отцом Николаем, преодолевая трудности, познавали особенности устройства церковной жизни. Нам повезло, что этой большой работой руководил мудрый, деликатный, спокойный, добрый наставник, который стал для нас близким, родным человеком.

Свое пастырское служение отец Николай начал с проведения Крещения. Желающих было очень много. В своих воспоминаниях Кузнецова М.В. пишет, что в начале крестили по 70 человек в день, позднее 30—50. Можно представить, как уставал отец Николай и те, кто ему помогал. Отец Николай мужественно, спокойно, со свойственным ему смирением переносил эти нагрузки.

У нас не было своего помещения, поэтому Крещение и другие мероприятия проводили в Доме культуры, в школе. Первое наше место — большой зал в институтской столовой. После его благоустройства отец Николай приступил к богослужениям. Первое время он служил один, помощников не было. К своим обязанностям относился очень ответственно, он не отменил ни одной службы. Иногда больной, с температурой, он проводил Литургию. В этом помещении, в 1993 г. было проведено наше первое Пасхальное богослужение. Для всех нас это был большой праздник, душевный подъем, который нельзя

было сравнить ни с каким другим торжеством. Особенно запомнился крестный ход, когда в ночной тишине огромная масса людей передвигалась с зажженными свечами. Это было так необычно, празднично и запомнилось навсегда.

Только сейчас мы понимаем, какая нагрузка легла на плечи отца Николая по организации этого Пасхального богослужения. В переходной галерее надо было установить алтарь, оформить зал для прихожан, освятить куличи и пасхи. Помощников было много, но без участия отца Николая, без его помощи, советов не решался ни один вопрос. Праздничную службу отец Николай провел один и продолжалась она до 4-х часов утра.

У отца Николая был хороший голос. Мы с удовольствием слушали его, когда во время чтения канона, после 8 песни он пел: «Богородицу и Матерь Света, в песнях возвеличим...». А как прекрасно звучал его

голос, когда он пел Великий прокимен: «Не отврати лица Твоего от отрока Твоего...». Мне кажется, что лучше нашего батюшки эти песнопения никто не исполнит.

Отец Николай любил оперную и симфоническую музыку. Ездил в оперный театр и на концерты в ГКЗ им. Каца. Он был знаком с главным дирижером Мариинского театра — В. Гергиевым.

Массу повседневных вопросов в разной сложности приходилось решать отцу Николаю. Он всегда внимательно выслушивал нас, помогал своими советами и призывал постоянно молиться. Повторял: молитесь, молитесь, читайте Иисусову молитву.

Среди архитектурного ансамбля Краснообска своей красотой выделяется наш Сергиево-Казанский храм. Строительство этого храма неразрывно связано с именем нашего доброго батюшки — отца Николая. Большой коллектив тружеников принимал участие в строительстве храма. Он строился долгих 16 лет. И отец Николай с первых дней до завершения был в центре этой большой стройки. Он с честью выполнил свое главное послушание — построил Божий Дом.

Мне запомнилась одна встреча с отцом Николаем, когда привезли голубую плитку для внешней отделки нашего храма. Отец Николай так радовался, что удалось достать именно голубую плитку. Ему надо было с кем-то разделить эту радость. Я в это время подходила к храму. Он остановился и стал рассказывать, как долго искали такого цвета плитку и как нам повезло, что нашли то, что надо. Батюшка прямо сиял от радости.

Отец Николай навсегда вписал свое имя в историю нашего посёлка. В нашей памяти он навсегда останется не только как строитель Сергиево-Казанского храма, но и как первый наставник, духовник, учитель. Вечная ему память!

Чернобай Тамара Николаевна, прихожанка с 1991г.

Долгие годы вел нас по волнам бурного житейского моря отец Николай — наш настоятель, наш учитель, наш духовник и строитель. Нам многое пришлось преодолеть вместе. Иногда возникали нешуточные страсти. Отец Николай терпеливо и со смирением к нам относился, и мы со временем убеждались в ничемности этих страстей. Он поддерживал все наши инициативы и начинания, а мы радовались его доверию. На него легла ответственность создать приход, прихожане которого в массе своей обремененные знаниями и званиями ученые, а он, не подавляя личности, наставлял их на путь истинный. Отец Николай — человек, не знающий, что такое ненависть, мстительность и не помнящий зла.

Зоя Григорьевна Утюпина, 2007г.

С организацией нашего прихода для проведения служб необходимо было создание хора. Сложностей при этом было немало. Нас, певчих, появилась небольшая группа, которая совершенно не имела никакого опыта. Мы не владели нотной грамотой, не умели читать с листа молитвы. Отец Николай постоянно заботился, интересовался об освоении грамоты пения. Сам неоднократно бывал на репетициях. Приглашал опытных певчих из других храмов. Долгое время помогала нам Лидия Степановна из Александро-Невского собора, позднее трудилась с нами матушка Ирина из Вознесенского храма, пока заботами отца Николая наша певчая Вера Дмитриевна не закончила курсы регентов.

Батюшка сам имел отличный слух и прекрасный голос, требовательно относился к правильности исполнения. Требуя четкости и слаженности исполнения, был очень чутким, внимательным, сдержанным и уравновешенным. При своей огромной занятости он проявлял заботу о нас. Постоянно интересовался о делах в семье. И, когда требовалось, помогал своим советом и заботой.

Упокой, Господи, душу дорогого нашего батюшки и сотвори ему Вечную память!

Шушакова Галина Петровна, прихожанка с 1991г.

На последнем году обучения в Педагогическом университете я собиралась устраиваться на работу в детский сад: проходила мед. комиссию, предварительно договорилась с заведующей. Когда об этом узнал отец Николай, он сразу мне позвонил, стал предлагать трудоустройство в храме. И он меня убедил. Без его участия неизвестно, работала ли бы я псаломщицей. В лучшем случае, наверное, была бы певчей.

Ещё мне вспоминается, какие долгие службы были в начале существования нашего прихода.

Я уверена, что причиной этому была гиперответственность нашего первого настоятеля, с которой он подходил к своим обязанностям. Отец Николай служил один. Он не пропускал ни одной молитвы, скрупулёзно прочитывал каждую записочку. Часто служили акафисты на молебнах. Не просто их читали, а исполняли с распевом. Всегда после молебнов были и панихиды. Поэтому, чаще всего, службы заканчивались к двум часам дня. Здесь сказывалась ревность отца Николая к богослужениям. Он не жалел ни времени, ни сил своих.

У батюшки были замечательные слух и голос. Он с удовольствием пел и любил красивое, стройное пение. Он очень расстраивался, когда было некому петь. В этом случае сам обзванивал певчих, чтобы кто-нибудь пришел помочь.

Царствие Небесное дорогому отцу Николаю!

Надежда Михеева

Для меня батюшка в период 1994—1995 гг. был инопланетянином. Это сейчас легко воспринимается священство на улице. Увидеть человека в рясе — ничего такого, а в тот период батюшка в рясе и в шляпе (а он часто ее носил) — полный восторг, все равно что сейчас кто-то станет ходить в костюме космонавта каждый день и мило улыбаться. Поэтому мои воспоминания на уровне эмоций подростка. Писать о том как он прекрасно вел службу, исповедовал, наверно, нет смысла, это и так понятно, что было все тонко и правильно. Как же прекрасен был его голос в пасхальных песнопениях, в прощенное воскресенье — слушаешь и мурашки по коже! Вот это я не забуду никогда!

Леонтьева Оксана

Сотцом Николаем я познакомился, когда мне было 6 лет и меня батюшка благословил прислуживать в алтаре за богослужением. Для меня батюшка стал примером жертвенного и самоотверженного служения, который всегда должен являть пастырь Церкви Христовой. Отец Николай очень хорошо пел. Я на всю жизнь запомнил исполнение им великого прокимна «Не отврати лица Твоего», которое всегда меня впечатляло. Так же батюшка хорошо знал устав богослужения. Хорошее знание устава батюшка всегда прививал нам, юным пономарям, только вступившим на стезю служения Церкви. Я могу сказать, что мой выбор стать священнослужителем отец Николай поддержал и благословил, и сейчас я учусь уже на 3 курсе Новосибирской Духовной семинарии.

Для меня протоиерей Николай навсегда останется примером для подражания, который по слову Господнему «положил душу свою за други своя». Его молитвами и стараниями в поселке появился красивейший храм. Последние годы батюшка, преодолевая немощь, приходил в храм на Литургии, как мог участвовал в них. В наших сердцах батюшка останется тем самым Добрым Пастырем, который жил ради нас, молился за

нас, радовался и скорбел вместе с нами. Пусть всемилостивый Господь упокоит душу раба Своего, а мы, как верные чада будем не оскудевать в молитвах о нем и на всю жизнь сохраним образ отца Николая, каким мы его знали и каким мы его запомнили. Царствие Небесное дорогому протоиерею Николаю, неустанному труженику виноградника Христова.

Иван Агеев

Так получилось, что к вере я пришла уже после сорока лет. Было много сделано жизненных ошибок и непонятного прежде, чем я стала ходить в храм, на службы, постигать азы православия. И первым, с кем я повстречалась в храме, был отец Николай — всегда спокойный, доброжелательный, грамотный, никогда не навязывающий запретов и советов. Но все равно были у меня и недоверие, и настороженность в душе.

По-настоящему проникнуться к батюшке Николаю мне довелось, когда мы с мужем решили повенчаться. Но перед таким значимым событием часто случаются искушения. Не миновали они и меня, и еще как! Пришлось подойти к батюшке, посетовать на себя, повиниться.

Несмотря на свою занятость и усталость после службы, отец Николай сам подошел ко мне и пригласил на исповедь. Батюшка никогда не был со мной многословен в минуты исповеди, и в этот раз было также. Но какой же теплотой от него веяло, заботой, спокойствием — от его уверенного и доброго взгляда! Как терпеливо и с участием он выслушал меня, не перебивая и не упрекая. Есть такое выражение: как будто с отцом родным поговорила! Так и у меня произошло — стало на душе очень легко и радостно, разрешились все мои сомнения и недоразумения.

Муж мой недавно к вере пришел, но тоже помнит очень хорошо первую исповедь свою у отца Николая. Батюшка ему дал мудрый и добрый совет, которому он следует, который стал напутствием в его дальнейшую жизнь.

Батюшка часто советовал, чтобы мы читали как можно чаще самую короткую, но самую важную молитву: Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, моли Бога о нас! И совету его мы, конечно, следуем.

Царствие Небесное дорогому нашему батюшке, отцу Николаю!

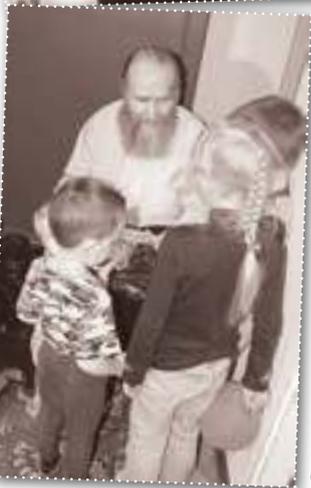
Петракова Валентина

О батюшке Николае и матушке Вере... Меня поразила любовь между батюшкой и матушкой.

Как то я дежурила в больнице с матушкой Верой (это было лет 10 назад). Матушка была уже в таком состоянии, что казалось ничего не понимает и никого не узнаёт. Но когда пришёл батюшка, она так разулыбалась, было видно, как они до сих пор любят друг друга, скучают. Батюшка заботливо поправил ей ногу (на которой начал образовываться пролежень) и сказал, что нужно купить противолежневую подушку и ушёл в аптеку (как я подумала на 1 этаж больницы). Потом он очень долго не возвращался, я начала переживать уже. По возвращению оказалось, что подушки внизу в аптеке не было, и ему пришлось идти на другой конец Краснообска (а он уже на тот момент ходил с палочкой, медленно, и было понятно, что для него это был самый настоящий подвиг). Я очень сожалела, что не догадалась батюшке предложить сходить самой в аптеку. А он повёл себя очень скромно и смиренно.

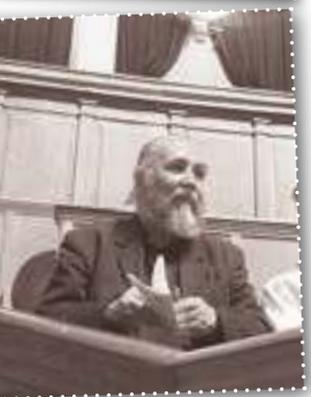

Шарапова Елена

Когда я начинала только воцерковляться, на исповеди батюшка меня спросил: «Молитву причастника знаешь?» А я не поняла значение этих слов, испытала стыд, а отец Николай допустил к Чаше. Думаю, что скажи батюшка тогда грубо, или стал бы стыдить, возможно я бы напугалась и не стала впоследствии прихожанкой. Прошло уже 6-7 лет. Сохранила чувство благодарности за терпимость к ничего непонятливой и ничего не знающей, начинающей прихожанке.

Татьяна Карасева

Впервые я встретила с отцом Николаем в 1995 году. Я тогда еще была далека от веры, мне просто для нашей рекламно-информационной газеты «Витрина» ежемесячно нужна была информация о богослужениях в приходе. Батюшка очень по-деловому всё организовал: назначил ответственного (Анастасию Константиновну Леонтьеву), сам всегда проверял текст, был очень доброжелательным и внимательным. Раньше я думала, что в храм только святые люди ходят, этакие «небожители» безгрешные, и мне это недоступно. А здесь я увидела обычных, живых, хороших людей. Отец Николай и в дальнейшем нашем общении никогда не был навязчив и о вере говорил мало, но отеческая забота и любовь в нем всегда были на первом месте. На отпевании нашего младенца в

2004 году он сказал нам: «Не скорбите сильно, будут у вас еще дети.» (У нас родилось потом еще три мальчика). Всегда удивляла в нем эта прозорливость и умение разбираться в людях, как-то он всегда знал кого благословить петь, кого в послушники, кого в звонари, кого в трапезную, кого в лавку. За все эти годы он создал вокруг себя настоящую дружную деятельную общину. Батюшка очень любил детей, мы часто приглашали его на дни рождения, именины детей или просто в гости. И всегда он был очень внимателен и приветлив к детям, беседовал с ними, наставлял, был им вместо дедушки. Батюшка научил меня Иисусовой молитве, а его молитвы за нас, я надеюсь, будут услышаны Господом и сейчас! Царство Небесное Вам, дорогой отец Николай, и вечная наша память!

Екатерина Каргополова

Что всегда подкупало в отце Николае — это крепкая вера, оптимизм, жизнелюбие, любовь к службе, внимание к мелочам, внимание к людям. Очень образованный, интеллигентный, он был одновременно и очень смиренным. На всю жизнь отец Николай останется для нас примером и уроком, как нужно нести свой крест в жизни. Часто на какие-то наши сетования, он отвечал: терпеть надо. Он и сам терпел очень много...

Долгое время отец Николай болел, каждое движение ему в последние годы давалось с большим трудом. И мы порой просто поражались его жизнелюбию, стойкости. Он старался часто, как только ему позволяло здоровье, посещать службы. Он упорно шел и шел в храм, участвовал в богослужениях.

А как отец Николай относился к своей матушке! У матушки Веры довольно рано случился тяжелый инсульт. Много лет терпеливо, с любовью заботился батюшка о ней.

Отец Николай приходил провожать в последний путь всех своих первых прихожанок, хотя каждое движение давалось ему с трудом. Вообще, он был очень чутким человеком.

Батюшка очень любил гостей, всегда радовался, когда у него за столом собирались прихожане. Ну, а когда приезжал владыка Гермоген, батюшка весь светился, это был для него праздник. Их связывало многое. Можно сказать, что владыка относился к отцу Николаю, как к отцу. Собственно, он был для него первым наставником, духовным отцом. Последние годы отец Николай не мог уже ездить к владыке в гости, но владыка каждое лето обязательно посещал отца Николая, бывало, приезжал и посреди года.

Батюшка всегда был оптимистом, у него была потрясающая воля к жизни. Он никогда не унывал, всегда смотрел вперед, всё ему было интересно.

До последних дней батюшка сохранял ясный ум и хорошую память. Теперь он будет молитвенником за всех нас на небесах. Упокой, Господи, его светлую душу!

Семья Лютиных

СТАРОСТЬ И РАДОСТЬ

Богат и прекрасен наш русский язык. Особенно хороши в нём разные пословицы и поговорки. На все случаи жизни найти можно. Вот и про ту пору, что не минует человека, красиво называемую «осень жизни» или ещё более витиевато «третий возраст», тоже много чего придумано. И это не только «*Старость — не радость*».

Мир в целом стареет. И для огромного числа людей во весь рост встаёт проблема: а какой она будет, моя старость? В современном мире старость — понятие чуть ли не табуированное. Отсюда безнадежная гонка за молодостью, пристальная забота о теле, иногда переходящая все разумные границы. Бассейн, фитнес, косметолог, диетолог и далее по кругу. Часто это осуждается как эгоизм и нежелание посвятить своё время более полезным занятиям. Часто над этим смеются те, кому старость представляется ещё далекой туманной перспективой.

На самом деле ничего плохого нет в том, чтобы заботиться

в преклонном возрасте о своём здоровье, сохранять молоджавый вид и подтянутость, стремиться к ясности ума. Опять же, ЗОЖу — разумное место! Неплохо, когда бабушка с внуком и даже с правнуком может поиграть в мяч. Хуже, когда за желанием как можно дольше сохранить молодость тела не видно любви к близким.

Но не всё так однозначно. Не всегда это именно эгоизм. Часто за таким поведением скрывается страх слабости, немощи, ненужности. «*Придет старость — придет и слабость*». Это одна из пословиц. Боится человек слабости и старается отодвинуть её подальше. Только надо твёрдо понимать, что это возможно до определённого предела. А дальше есть два пути: заброшенность и одиночество или забота и уход. Какой каждому из нас желателен, понятно. А как этого достичь?

«*Не красна старость годами, а делами*». Что такого надо сделать в жизни, чтобы быть красивым в старости? Собствен-

но, то же, что и в любом другом возрасте. Пока возможно, пока есть силы и разум — не быть в тягость! И речь не только о физической немощи, а о взгляде на мир. Чем он добрее и мудрее, чем снисходительнее к наивности молодости, тем больше вокруг такого старого человека оказывается родных и близких. В Библии не раз встречается выражение «*в старости доброй*». Наверное, это как раз о мудрости и ещё о заботе. Да-да, не только мы о стариках должны заботиться, но им тоже необходимо реальными делами выражать к кому-то свою любовь. Внуки — не обуза, как иногда думают, а крепкий якорь, опора, радость. Родителям-то некогда. Такими были наши бабушки. До последнего, до конца не о себе заботились, о близких. Их старость была действительно обретенной свободой, свободой от суеты, от каких-то земных страстей. Не всегда это так благобно. Бывает, пожилой человек обижается на пустяк, как ребёнок, переживает. Но и прощает, и отпускает так же легко. Осо-

бенно если жизнь его прошла с Богом... Такую старость хорошо бы заслужить.

«Не смейся над старым — сам будешь стар». Люди, которым выпало ухаживать за старыми родителями, хорошо знают, что часто это непростой труд. Капризы, недовольство, даже какое-то злое упрямство, особенно если у пожилого родственника начинается деменция, — от этого всего часто хочется свести к минимуму душевный контакт. Накормить, помыть, прибрать — что ещё ему надо! А надо помнить, что это такой же человек. Мы можем считать, что ему всё равно, он уже **«из ума выжил»**. Но мы-то в уме. Старику может быть неприятно и тягостно, когда гигиенические манипуляции проводят без учёта естественной стыдливости. Мнения и желания пожилых часто не учитываются. Главное — быстро, эффективно и правильно. А надо — по-человечески. Никакие, самые лучшие лекарства и самые грамотные процедуры, не заменят несколь-

ких простых добрых слов. Перед нами не растения — люди. С эмоциональными и интеллектуальными потребностями. Нетрудно спросить у бабушки: «А как ты считаешь правильным?». И выслушать её. Иногда можно получить хороший совет! Длинные семейные истории, рассказы о детстве и юности соединяют нас, вечно спешащих, с родовыми корнями. Не упускайте эту уникальную возможность, пока живы наши старики! Поддерживая в своих пожилых родителях и бабушках интерес к жизни, мы учимся правильно относиться к старости и в некотором смысле «примеряем» ее на себя.

«Корми деда на печи: сам будешь там». Разнообразные СМИ-страшилки кричат о том, что к пожилым современное общество относится всё хуже. Стариков выгоняют из дома собственные дети, оставляют без помощи, сплошь и рядом сдают в интернаты. Видимо, бывает такое. Но по жизни не сталкивалась. Чаще, наоборот, замечаю,

как сглаживаются давние обиды, исчезает непонимание. Они же старенькие, что ж поделать. Суровую маму, посвятившую свою жизнь карьере, забирает к себе сын и нежно заботится о ней. Свекровь доживает последние годы с невесткой и иногда тихонько плачет: доченька... А взрослые, вечно занятые внуки забегают к бабушке иногда просто для того, чтобы сказать — да всё нормально, ба, мы тебя любим. Это естественно и нормально. Да, тяготы забот о престарелых родителях не всегда бывают легки. Но несём, с терпением и любовью. Нельзя по-другому. Все такие будем.

Разной бывает старость. Мудрой и суетливой, спокойной и активной, грустной и доброй. А ещё бывает — спасительной, не только для стариков, а и для тех, кто рядом с ними. Предлагаем рассказ-воспоминание нашей доброй прихожанки Елены о дорогом батюшке отце Николае. И помолимся о нём!

Семь часов во имя Христа

Как-то после воскресной службы, когда я торопилась в уголок на благодарственные молитвы, случайно наткнулась на Марину. Марина служит сестрой милосердия. У неё доброе лицо, и меня всегда накрывает радостью при виде её. Ну ещё может, когда батюшку Александра вижу... Подошла к Марине, давно не виделись мы, она обняла меня, и вижу — попросить что-то хочет... А я тоже вроде как тороплюсь — на благодарственные молитвы протискиваюсь... А Марина и говорит: «Не могли бы вы помочь? С батюшкой Николаем нужно ночью подежурить с 11 вечера до 6 утра...» А я как бы счастливая такая и от встречи, и от просьбы, и вообще внутри вся такая разгоревшаяся после Причастия... Это третья просьба Марины всего лишь... нечасто она просит... Однажды я на свечах дежурила, на престольный праздник помогала столы для гостей накрыть и вот сейчас — с батюшкой... И ведь не откажешь... дело-то какое душеспасительное! Давай я соображать... Думаю, я ведь в отпуске, как раз несложно мне, да и ночью дома-то все спать будут. Днём у меня обязанности семейные и с сыном надо заниматься (ради него отпуск-то и взяла, чтоб в школу первую неделю попровожать-по-

встречать)... Мелькнула мысль, что муж-то не обрадуется, но думаю, уговорю уж как-нибудь...

Согласилась, в общем... телефон ещё раз свой дала, говорю — созвонимся, адрес скажете куда приходиться...

Домой бегу, вся сияю... Что сказать... Муж у меня очень хороший, добрый, заботливый, мы с ним Библию по вечерам вместе читаем... только вот в храм он не любит ходить и верит как-то по-своему в Бога. Но я всё равно очень люблю его. И уже только за то ему благодарна, что он обвенчался со мной, в храм ходить разрешает и воду святую пьёт, которую я ему каждое утро наливаю... В общем, без радости он воспринял моё сообщение и вопрос о возможности моего проведения ночи с батюшкой Николаем 82 лет от роду... Но как-то всё более-менее устроилось: сошлись на том, что в первый и в последний раз... Потом я ещё вспомнила, что на такие вот дела надо обязательно благословиться у батюшки, потому что негоже это на свои силы только надеяться в любом деле. Ну, думаю, с этим будет легче: напишу своему батюшке Андрею да и всё... в крайнем случае на неделе ещё служба будет, можно прийти и благословиться у любого батюшки...

Но и здесь незадача — на сообщения мои о. Андрей перестал отвечать. Вижу, что читает, а в ответ молчит... Уж думаю, может чем обидела о. Андрея? Может, телефон он опять потерял и мои сообщения какие-нибудь мошенники просматривают... Чего только за весь остаток дня я не передумала... А на следующий день решила, что делать нечего, и если не отвечает отец, то к матушке надо обращаться... А матушка Анна, жена о. Андрея, у нас блогерша))) её вообще легко найти, и тем более я давно её подписчица и почитательница её рассказов... Написала матушке Анне — и ясное дело — ответ не заставил себя долго ждать: батюшка Андрей в миссионерской поездке, спит где-то в спальном мешке в спортивном зале заброшенной сельской школы... до переписки ли тут? Пошла я быстренько к храму, благословилась у мимосшедшего отца Виктора и успокоилась... А через некоторое время звонок мне на телефон — батюшка Андрей... Вот что значит скорая помощь и заступление матушки!!! Ну не чудо ли!!!!

В общем, дважды благословлённая со всех сторон, я с нетерпением ждала урочного часа. И почти совсем не волновалась, кстати... Во-первых, я знала, что там с батюшкой ночью я буду не одна, а с Еленой Ивановной. И вообще я работала медсестрой и у меня высшее медицинское образование, что ж я не смогу поухаживать за больным? К слову сказать, когда нужно было впервые идти в храм и дежурить на свечах, я волновалась гораздо больше!

С собой к батюшке я взяла 2 молитвослова, косынку и книжку «Отец Арсений», потому что мне наметнули, что батюшка Николай ночью плохо спит... Еще в качестве гостинца захватила баночку маринованных опят и кусочек сливового пирога. Настроилась я на душеполезные беседы, коленопреклоненные молитвы всю ночь и вдобавок подумала, что батюшка обязательно прозреет мою судьбу и предскажет мне будущее... Фантазия у меня буйная, ничего не скажешь!!!

Пришли мы с Вовой к урочному времени... Вова к сыну обратно побежал, а я осталась на пороге... Захожу — батюшка Николай лежит на функциональной кровати и в полузабытии медленно так разговаривает... Ведь я его видела, — думаю, — на службе в воскресенье! Да, его возят в коляске инвалидной, но к иконам он сам встает, прикладывается и по ступенькам в алтарь сам поднимается... служит там..., а тут как будто совсем лежачий...

Первое помню, что бросилось в глаза — это обилие икон... Больше я видела только в нашем храме. И ещё целый иконостас в углу над кроватью... Кровать под иконами была свободна, батюшка лежал на соседней, рядом.

За ночь, проведённую с батюшкой Николаем, я благодарю Господа. Я запомню её на всю жизнь...

Нет, не было никаких глубоких бесед, не было никаких молитв... ничего такого... я подавала судно, подавала лекарство, мерила давление, поправляла постель, подтыкала одеяло. Я выполняла его просьбы. Поняла, что он очень хорошо всё понимает и осознаёт. Научилась за ночь слышать его малоразборчивые слова. Во всех просьбах ко мне батюшка обращался на Вы почему-то... Когда он говорил мне ложиться — я шла и ложилась, чтобы через несколько минут опять подскочить на очередную просьбу... и так хорошо мне было слушаться его во всём...

Вот на эту-то кровать под образами и указал мне батюшка, когда пришло время и мне прилечь. С каким же трепетом я на неё опустилась, прежде прочтя молитвенное правило перед этими иконами. В центре была большая икона Святителя Николая, покровителя нашего старенького батюшки... «И со святыми упокой» — пронеслось у меня в голове, когда я опустилась на подушку и подняла глаза вверх... Вообще-то это про усопших, но вопреки обычному моему страху перед смертью — ничего подобного я не испытывала. А только радость, радость такая непередаваемая и покой... В полумраке было не разглядеть ни ликом, ни икон, но само это волшебное впечатление, когда лежишь

...пока есть силы и разум — не быть в тягость! И речь не только о физической немощи, а о взгляде на мир. Чем он добрее и мудрее, чем снисходительнее к наивности молодости, тем больше вокруг такого старого человека оказывается родных и близких...

в таком вот намаленном месте, непередаваемо!!! Сон, конечно, не шёл... столько всего проносилось в голове... И какая-то общая восторженность охватывала меня, лежащую в одежде, под одеялом, и глаза не смыкались... И ещё был подарок мне в эту ночь: у нас родился племянничек!!! Наш малыш, Санёчек!!! Прямо под утро 11 сентября... Вот же Господь как щедр!!!

С утра было, конечно, нелегко... Сморило меня немного... Но это ничего.

Когда-то, давно, я работала медсестрой в больнице скорой помощи. В кардиологии. В отделении был неприятнейший запах, который шибал в нос с порога. Но, естественно, потом к нему принохиваешься и не замечаешь за сутки дежурства... Однако после, дома, всегда так же неприятно пахла одежда. И если надо было идти на пары в институт, прямо с дежурства, то тоже приходилось обильно опрыскиваться туалетной водой, чтобы хоть как-то перебить его.

Какое-то подозрение копошилось во мне и здесь, на предмет впитываемости запахов в одежду... В любой квартире, где живут пожилые, есть характерные запахи... А если это пожилые лежачие, то тем паче... Так вот, ничего подобного!

Вечером того дня я специально прильнула к платью, в котором проспала в эту ночь не раздеваясь... От него пахло чистотой, свежестью... и немного ладаном...

Русское купечество — ярчайший пример не только делового успеха, но и беспрестанной, колоссальной помощи ближним. Практически на деньги этого состояния в России содержалась основная масса больниц, многие учебные заведения, выплачивались пенсии больным и увечным, стипендии одарённой молодежи. Картинные галереи и библиотеки, театры, музеи и храмы — всё это щедрый дар купцов родной стране.

АБРИКОСОВЫ

спешили делать добро

Фамилия Абрикосовых была широко известна в России на протяжении столетия. Наибольших высот в коммерческой и благотворительной деятельности достигла чета Алексея Ивановича и Агриппины Александровны. Это удивительные люди, пронесшие через всю долгую жизнь глубокую любовь друг к другу и горячее желание благотворить. Начиналось же всё без особого блеска. Алексей Иванович Абрикосов начал обучение в престижной Практической академии коммерческих наук, но проучился неполных четыре года. Разорившиеся родители устроили Алешу в немецкую комиссионерскую контору немца Ивана Богдановича Гофмана. Алексей был «мальчиком на побегушках»: открывал дверь клиентам, бегал на почту, выполнял мелкие хозяйские поручения. И получал пять рублей месячного вознаграждения. Все служащие говорили исключительно на немецком языке, конторские книги тоже велись на немецком языке. Благодаря природным способностям, усидчивости и упорству вскоре и Алексей выучил язык. Да так, что не только разговаривать, но и документацию вести мог на немецком языке. Началом предпринимательской деятельности Алексея Ивановича стала небольшая «конфетная» мастерская, которую он открыл в 1847 году на Варварке. Он свел знакомство с сибирскими купцами, нашел постоянных покупателей и выгодных продавцов сырья, а со временем

и сам открыл на ярмарке свою лавку.

Со своей будущей женой Алексей Иванович познакомился в доме Гофманов. История женитьбы Алексея Абрикосова — показательный пример удачного соединения коммерческого интереса и сердечных чувств. Женой фабриканта стала дочь фабриканта Александра Борисовича Мусатова Агриппина. Во-первых, отец — владелец крупнейших в Москве табачной и помадной фабрик, во-вторых, за невестой дают солидное придание — целых 5 тысяч рублей. Конечно, фабрикант Мусатов мог найти для дочери и гораздо более состоятельного жениха. Но, здраво рассудив, что Алексей Абрикосов — купец молодой, перспективный, знающий иностранные языки, «по-европейски образован», да и дочери Агриппине он сразу понравился, — дал свое согласие на свадьбу. Венчание состоялось 24 апреля 1849 года в Покровской церкви на Варварке. Молодые зажили своей семьей.

Жили дружно. В 18 лет Агриппина уже родила своего первого ребенка, сына Николая. Через год — дочку Анну. В дальнейшем дети у четы Абрикосовых появлялись практически каждый год. Последнего ребенка Агриппина родила в возрасте 46 лет. У счастливых супругов родилось 22 ребенка: 10 мальчиков и 12 девочек, — семнадцать из которых, как и их родители, были здоровы, крепки верой, успешны в своем деле, счастливы в семье и дожили до преклонных лет.

Алексей Иванович с домочадцами жил по своим правилам и законам. И первое из них: «Бог дает богатство в пользование и потребует по нему отчета». Потому помогать нуждающимся всегда считалось главным долгом семьи. Женщины традиционно брали под опеку учебные заведения и приюты для бедных. Алексей Иванович покровительствовал наукам и искусству, жаловал на образование молодых коммерсантов. Он возглавлял немало, выражаясь современным языком, фондов, имея от этого единственную «привилегию» — содержать за свой счет.

Чудно нам, сегодняшним, жить по такому правилу. У нас как? Есть богатство — на Канары! Есть большее — купим личный вертолет. Пусть все у наших детей будет! Сами горбатились — ничего не имели, так пусть хоть дети наши будут счастливы! Но нет что-то счастья. У Абрикосовых было трудное, но счастье. Вставали в шесть утра. Молитва — и за работу. Глава семьи лично отправлялся на Болотный рынок за ягодами и фруктами для кондитерской фабрики. Его супруга вела бухгалтерские книги и вместе с детьми помогала на фабрике заворачивать конфеты. Правда, заниматься этим ребятам было в охотку. Уж больно хороши и красивы обертки!

Работали честно и с выдумкой. Именно они первыми в России создали технологию консервирования фруктов и овощей и освоили производ-

ство глазированных фруктовых конфет от кашля и зефира. Наконец, именно от этой фабрики пошла традиция делать к Новому году шоколадных зайцев и дедов-морозов, а также всевозможных шоколадных медведей, очень похожих на плюшевые игрушки. Абрикосовские арбузы в шоколаде (которые по размерам не уступали астраханским настоящим!), сливы и вишни стали с тех пор самой сладкой частью воспоминаний о прошлой России. Но осуществляли-то все это люди. Поэтому для «шоколадного короля России», человека верующего, привыкшего с детства уважать свой и чужой труд, было само собой разумеющимся, что на его фабрике рабочих обеспечивали бесплатным питанием, вручали подарки по праздникам (а праздников тогда было до тридцати дней в году!), предоставляли возможность покупать кондитерские изделия собственного производства в 10 раз дешевле, чем в магазинах.

Еще в 1898 году на фабрике было проведено электричество, новшество по тем временам очень недешевое, зато решительно облегчавшее условия труда. Заботились и о досуге людей. И уже через год по выходным дням столовая для рабочих превращалась в зрительный зал, как тогда говорили, «электротеатра», где для рабочих, ставших одними из первых в Москве зрителей, демонстрировали всевозможные «туманные картины с волшебного фонаря».

Благотворительность супруги Абрикосовы начали со скромных ежегодных 100-рублевых пожертвований госпиталям и ополчению во время Крымской войны. Позднее Алексей Иванович стал членом комитета по оказанию помощи

семьям убитых и раненых в войне с Турцией 1877 года, а в 1880 году вошел в Совет Дома московского купеческого общества, занимавшегося строительством бесплатных квартир для участников той войны. В отличие от многих современных фондов «должности» в таких советах и комитетах означали только одну привилегию: обязательство регулярно вносить деньги в благотворительные учреждения. Щедрый кондитер много денег отдавал больницам. И на протяжении всей жизни Алексей Иванович жертвовал в пользу Практической академии коммерческих наук, будто бы извиняясь, что не доучился.

Не уступала супругу в своем стремлении совершать благие дела и Агриппина Александровна Абрикосова. Будучи многодетной матерью, она хорошо понимала заботы и потребности работающих женщин. Агриппина Абрикосова понимала: матерями становятся не только женщины её круга, которым Бог дал спокойную и обеспеченную жизнь. У многих нет денег на докторов, им не к кому обратиться за квалифицированным советом... По данным того времени, девяносто восемь процентов женщин оставались при родах без помощи! Агриппина Александровна понимала, что раз ей дано счастье иметь много детей и растить их в достатке, она просто обязана помочь тем, у кого такого достатка нет.

По ее инициативе при фабрике был открыт бесплатный детский сад (один из первых в России), куда могли отдавать своих детей 150 матерей-работниц. Затем она организовала «бесплатный родильный приют и женскую лечебницу с постоянными кроватями», где были собраны лучшие в России акушеры. За год через приют проходило более двухсот рожениц, а детская смертность и смерть при родах составляли здесь небывалую и сегодня циф-

ру — один процент. Агриппину Александровну современники описывают как женщину властную, но при этом очень великодушную.

После смерти Агриппины Александровны в 1901 году согласно ее завещанию муж передал 100 тысяч рублей на расширение родильного приюта. По решению Московской городской управы он стал так и называться: «Городской бесплатный родильный приют имени А.А. Абрикосовой». После революции, отобрав у наследников их бизнес, это образцовое заведение переименовали в роддом № 6 имени почему-то Крупской, дамы, как известно, детей не имевшей. Слава Богу, люди опомнились, и в 1994 году знаменитому родильному дому вернули имя его основательницы.

Всю жизнь родители представляли для своих детей живой образец семейного счастья. Они прожили вместе более пятидесяти лет. На праздновании в 1899 году золотой свадьбы одной из самых знаменитых семейных пар России, «молодожены» были буквально засыпаны цветами, чету приветствовали правнуки, подарившие свою огромную групповую фотографию. 150 прямых потомков поздравляли их! Вглядитесь в лица на фотографиях. Достоинство, уверенность, ни капли позы. Счастлив тот, кто отдаёт, не считая.

По материалам открытых Интернет-ресурсов

Городской бесплатный родильный приют имени А.А. Абрикосовой. 1900 год

Премудрый апостол Павел оставил нам множество посланий, среди них есть послание к Галатам. Его основная идея — спасение невозможно просто заслужить особыми делами, но верой. Это, разумеется, актуально и в наши дни. Следование букве закона не приближает человека к Богу. Но это не значит, что христианам никаких дел не требуется исполнять. Одно очень важное дело твёрдо обозначено нам: «Аще и впадет человек в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте такового духом кротости: блюдый себе, да не и ты искушен будеши. Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». (Гал. 6: 1–2). Легко ли исполнить это дело? Для современного человека — очень трудно.

ДРУГ ДРУГА ТЯГОТЫ НОСИТЕ

По сути, это не одно, а два дела. Каждый из нас так или иначе впадает в самые разные грехи. Но вот странность — мы не слишком замечаем собственные прегрешения, но с искренней радостью подмечаем малейшие грехи ближних. Свои грехи — оправдываем, чужие — считаем тяжкими и неисправимыми. А надо, по апостольскому повелению, наоборот. Впадает человек в какое-то прегрешение, нам нужно отнестись к этому хотя бы просто спокойно, со снисхождением. Ещё лучше — с состраданием. Грех суть болезнь души. Не приходит же нам в голову осуждать и злорадствовать, если наш сослуживец, сосед или родственник заболел. К своим же грехам стоит относиться, как к вредным сорнякам в огороде. Только заметил — немедленно вырвал! Иначе не успеешь глазом моргнуть, как затянет всё доброе сорной, вредной травой. И плодов не найти.

Дальше: «да не и ты искушен будеши». Это можно понятно объяснить простой пословицей: «В чем осудишь, в том и побудеши». Как только начинаем осуждать грех ближнего, да с пристрастием его разбирать, как

тут же, будто нахватавшись невидимой инфекции, сами в него впадаем. Есть забавная история у одного из современных православных авторов о монахе. Бедолага отличался непомерной толщиной, хотя чревоугодником не был. На вопрос любопытных туристов отвечал честно: «Был когда-то худым, как молодой тополь. Да осудил в душе толстого монаха. За то и несу груз. Не осуждайте, братья и сестры, никого!» Очень действенная проповедь получалась. Грех постоянного осуждения всех и вся настолько въелся в нашу душу, что мы почти перестали его замечать. Любой, самый невинный разговор мало-помалу сползает к теме обсуждения и осуждения ближних и дальних. Доходит до того, что самый поверхностный взгляд на человека уже даёт нам повод к его осуждению. Не так одет, не так смотрит, и вообще, он мне несимпатичен.

Огромный повод к постоянному осуждению даёт привычка к просмотру новостей, неважно, в интернете или по телевизору. Всё плохо, кругом обман и злоба, власть имущие — все сплошь недостойные люди. Потом это с жадностью и едкими комментариями обсуждается в соцсетях или просто среди знакомых. Новый день приносит новые вести, и гонка по замкнутому кругу продолжается. Очень щедро при этом подпитывается собственная гордыня: я не такой, как эти

скверные люди! При этом фарисеями себя не считаем...

Можно найти благочестивое оправдание: я не грешника осуждаю, но грех. Положа руку на сердце, у многих ли из нас хватает духовной мудрости отделить греховный поступок от личности согрешающего? И множится, множится грех. Осудил сребролюбивых — в глубине сердца сам возмечтал о богатстве, да так, что и сон, и покой потерял. Осудил творящих блуд — берегись, и твоё целомудрие непрочно. Не лучше ли не судить? Мы все слабы и достойны жалости. Все подвержены греху. Все несём самые разные заботы. И никто из нас не знает сердце другого человека! Нет ничего более противного духу христианства, как суд без милости. И нет ничего проще, чем просто пожалеть ближнего. У каждого в наше неспокойное время жизнь очень не проста. У каждого найдётся, за что пожалеть. А жалость — это не про унижение. Это уже про любовь. И к ближнему, и к самому себе.

А что про тяготы? Безусловной истиной является утверждение, что каждый из нас несёт свой крест. Большой или маленький, по силам или немоги, но обязательно. Это не нами придумано, но чётко сказано Христом: «И, подзвав народ с учениками Своими, сказал: ибо кто хочет идти за Мною, от-

Грех постоянного осуждения всех и вся настолько въелся в нашу душу, что мы почти перестали его замечать

Как только начинаем осуждать грех ближнего, да с пристрастием его разбирать, как тут же, будто нахватавшись невидимой инфекции, сами в него впадаем

вергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8: 34-35). Если поглубже вникнуть в смысл этой привычной Евангельской фразы, то можно открыть для себя много нового. Это для нас сейчас крест — главный символ христианства. А две тысячи лет назад крест — символ позора и крайнего унижения. Римских граждан не распинали, это был удел беглых рабов, злодеев, бунтовщиков. Тем более потрясает глубина смирения Господа, принявшего такую смерть... Крест в словах Христа имеет значение крайней скорби, но в ней скрыто обетование великой радости. Из орудия мучительной казни крест Христов превратился в средство воскресения и спасения человечества.

Наша земная жизнь есть подготовка к жизни вечной. Без того опыта, который предложил нам Христос, без перенесения скорбей и страданий мы для вечности не созреем. Искать их намеренно не нужно. Достаточно просто честно соблюдать заповеди. Например, никогда не поступать против совести. Столько проблем возникнет сразу, что никаких других и искать не придется. А есть ещё болезни, которые очень трудно бывает терпеть благодушно. Наконец, есть наши ближние, общение с которыми приносит нам далеко не только радость, чаще наоборот. Они тоже несут свой крест. Но если крест спасителен, так, может, не

стоит подставлять свои плечи под их тяготы? Но апостольские слова не могут быть ошибкой.

«Друг друга тяготы носите» — простая фраза с очень широким смыслом. Помимо жизненного креста из страданий, больших или малых, есть ещё одна тягота. Мы все обременены немалой тяжестью грехов, страстей, немощей, которые происходят из самой падшей человеческой природы. Эту взаимную ограниченность и греховность надо трезво осознавать. Вступая в любое общение, взаимодействие с другим человеком, мы понимаем, что ни он, ни мы сами — не ангелы небесные. Общаться вместе с нами будут наша гордыня, памятозлобие, зависть и множество других больших и малых грехов, в которых так не хочется признаваться. Если не проявлять снисхождение к этим тяготам, не пытаться их сгладить, никакого продуктивного взаимодействия добиться будет невозможно. То есть требуется проявить рассудительность и смирение. А в этом ценном свойстве человека уже содержится желание облегчить заботы ближнего. Простой пример: ваш коллега не любит громких разговоров на рабочем месте или остро реагирует на любую критику. Можно не обращать внимания на такие «мелочи», но это едва ли будет способствовать успешной работе. Для нормального взаимодействия естественно будет считаться с такими особенностями, и находить разумный компромисс. Это поддерживается и в светской морали. Профессиональные этические нормы в современном обществе, далёком от христианства, достаточно однозначно предписывают внимательное отношение к нуждам и потребностям коллег. Уважение, терпимость, честность, лояльность — это необходимые в любом коллективе качества сотруд-

ТОЛКОВАНИЯ СВЯТЫХ ОЦОВ

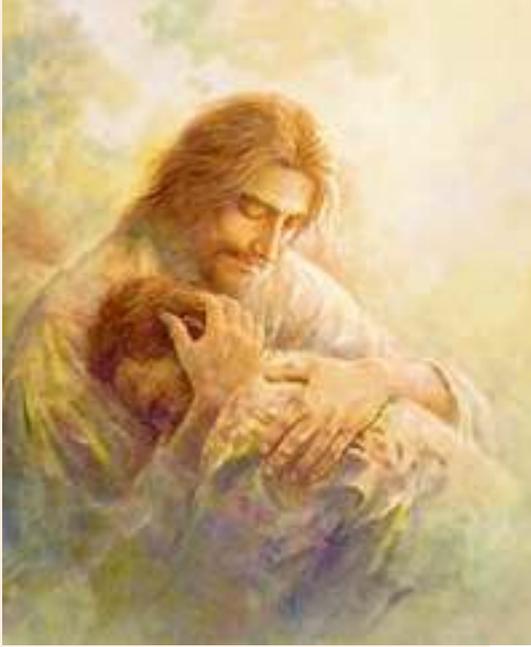
«Эти слова — такие прекрасные и такие вдохновляющие: носите тяготы друг друга, и так вы исполните закон Христов — требуют от нас великодушия, устойчивости и мужества, и уподобления Христу, далеко превосходящих то, что мы обыкновенно готовы дать большинству людей, даже людям, которых мы любим, чьи тяготы мы готовы поднять на время — а затем предоставляем нести их им самим...»

И вот, давайте задумаемся о каждом человеке, знакомом нам, начиная с самых близких, у которых на нас есть права или которые обременяют нас самым своим существованием или тем, как они себя ведут. А за ними — посмотримся дальше, и научимся принимать тяготу и нести ее, как Христос нес: до смерти на кресте».

(Митрополит Антоний Сурожский)

«Так как невозможно, будучи человеком, быть свободным от недостатков, то (апостол) убеждает не быть строгими судьями погрешностей других, но терпеливо сносить недостатки ближних, чтобы и другие сносили их собственные недостатки. Как при постройке здания не все камни получают одно назначение, но один годится для угла, а не для основания, другой для основания, а не для угла, так, без сомнения, и в теле Церкви. Равным образом и в нашем теле каждый может увидеть то же самое, однако же, один член терпит другого, и мы не требуем всего от каждого из них, потому что из совокупности разнообразного состоит и тело, и здание».

(Св. Иоанн Златоуст)

ников, по сути, имеют свои корни в той же заповеди, облегчая несения трудовых тягот. Правда, зачастую эти нормы носят достаточно формальный характер, не имея подкрепления в важнейшей составляющей, а именно в подлинном человеколюбии. Я буду с тобой любезен до тех пор, пока ты мне полезен. Как только человек по разным причинам перестаёт приносить пользу корпорации, его столь же вежливо, но твёрдо просят покинуть место. Можно ли по-другому? Да, но тогда власть имущим, и не только, надо проделать достаточно серьёзную работу над собой, научившись поступаться чем-то важным для себя. Деньгами, временем, престижем, например.

Нетрудно, поступившись малым, облегчить жизнь подчас вовсе незнакомым людям. Мы, не задумываясь, уступаем сидячее место в метро пожилому человеку, помогаем начинающему авто-

любителю выехать из неудобного пространства или говорим громче, разговаривая со слабослышащим. Это просто вариант нормального подхода к жизни в обществе, результат правильного воспитания. На самом деле, это один из признаков подлинной цивилизации, которая невозможна без такого «бытового» милосердия. Есть достаточно известная история, которую поведала миру американский антрополог Маргарет Мид. В качестве первого признака цивилизации она предложила сросшуюся бедренную человеческую кость. Перелом бедренной кости один из самых тяжёлых. Может понадобиться до полугода для полного восстановления повреждённой конечности.

«В животном мире, если существо ломает ногу, оно погибает, потому что не может охотиться, убежать от опасности, найти воду. Раненый зверь — первая добыча для хищников. Залеченное человеческое бедро говорит о том, что на протяжении длительного времени рядом с этим человеком был кто-то, кто перевязал его рану, отнес в безопасное место, кормил и поил. Кто-то, заботившийся о нем и охранявший его, пока тот не поправится. Сросшаяся бедренная кость — доказательство того, что человек помог своему ближнему, не бросил его, спасая собственную шкуру. Оказать помощь кому-то в сложный период — это тот поступок, с которого и начинается цивилизация».

Для человека, понесшего по доброй воле дополнительные тяготы по заботе о жизни и здоровье своего соплеменника, это было значительно увеличившейся нагрузкой. Для пострадавшего — вопрос выживания. Сама природа наших немощей настолько

правильно задумана Господом, что только их взаимное несение способно помочь людям выжить в самой тяжёлой ситуации. Примеров в современной истории очень много — только бесконечные войны, связанные не только с безграничным мужеством, но и со столь же безграничным милосердием, дадут обширный материал для подтверждения этой истины.

Что заставляет людей действительно принимать на себя чужие бремена? Только глубокая любовь, соединённая с Христовым духом. Она не позволит просто вежливо-холодно отстраниться от реальных проблем людей, волею обстоятельств оказавшихся рядом с нами. Она не даст нам спокойно спать, настойчиво требуя пойти, сделать, помочь, даже если это не всегда нам по силам. А если действительно сил не хватит? Как найти ту грань, за которой мы не сможем никому помочь, потому что это уже невозможно? Трудно, а порой и объективно невозможно, самостоятельно, на одних своих душевных силах, понести тяготы другого человека. И это нормально потому, что человек слаб. Современный человек — в особенности. Как часто наше искреннее желание послужить ближнему уходит, как вода в песок, натываясь на усталость, непонимание, насмешку, отвержение. Очень трудно честно признаться, что в этом виноваты не «неправильные» ближние, а мы сами. За каждое доброе дело мы ждём, старательно пряча эти некрасивые помыслы от самих себя, признания наших заслуг, одобрения, воздаяния. В одном из патериков есть такая короткая история. Брат спросил старца: «Я подал нищему милостыню. Что мне за это будет?» Старец ответил: «Кроме того, что ты облегчил участь страдальца, абсолютно ничего. А если тебя интересовал не нищий, а твой интерес, то ты обманул себя и прои-

Мы все слабы и достойны жалости.
Все подвержены греху.
Все несём самые разные заботы.
И никто из нас не знает сердце
другого человека!
Нет ничего более противного духу
христианства, как суд без милости.
И нет ничего проще, чем просто
пожалеть ближнего.

грал». Мы торгуемся не с людьми, а с Господом! Это величайшая бессмыслица. Но как взять ещё чьи-то тяготы, когда от своих, бывает, падаешь? Нету сил, вздыхаем мы привычно. Почему же на осуждение силы находят всегда? Не можешь помочь в бедности, но не осудить человека всегда можно. Иногда тёплое вовремя сказанное слово, просто сочувствующий взгляд важнее, чем подавание. Молитва, только не торопливо-формальная, а искренняя, от сердца — это мы можем сделать, как бы ни устали или немоществовали сами. Как в любой тренировке, начинать нужно с малого, но делать регулярно. Проще всего обратить своё желание облегчить заботы на самых близких людей, на собственную семью.

Есть фраза, которая способна погубить любые, самые нежные, самые крепкие отношения: «А почему я?». Почему я должен помыть тарелку за брата, негодует старший? Почему я должна помогать сделать уроки сестре? Почему я должен идти с тобой в театр, если люблю футбол? Почему опять я иду гулять с этой собакой!? Как только дом наполняется этими словами, он перестаёт быть нашим надёжным убежищем, местом, где тебя любят и понимают просто так. Он превращается просто в стены, в нем холодно и неудобно. Эту фразу надо безжалостно гнать! Все, от самых маленьких до самых стареньких, если их объединяет семейная любовь, должны следовать одному нехитрому правилу. Делать чуть-чуть больше, чем рассчитывал изначально. Подставить своё плечо чуть раньше, чем об этом попросят. Смотреть глазами любящего человека на труд близких. Семейный труд — один из самых нелегких и незаметных. От него не бывает выходов и отпусков. Любая, самая малая поддержка очень много

Вступая в любое общение, взаимодействие с другим человеком, мы понимаем, что ни он, ни мы сами — не ангелы небесные. Общаться вместе с нами будут наша гордыня, памятозлобие, зависть и множество других больших и малых грехов, в которых так не хочется признаваться. Если не проявлять снисхождение к этим тяготам, не пытаться их сгладить, никакого продуктивного взаимодействия добиться будет невозможно. То есть требуется проявить рассудительность и смирение. А в этом ценном свойстве человека уже содержится желание облегчить заботы ближнего...

значит. Чистая посуда, убранные вещи — и на душе становится теплее. Появляются силы и желание сделать ещё что-нибудь для любимых людей. Можно ли этому научить? Детей — безусловно. С самого малого возраста неустанно наставляя, и, главное, показывая личным примером, как можно взять на себя хотя бы самую малую частичку чужого груза. Сделать домашнюю работу, не считаясь с тем, кто и сколько должен, должно быть естественно. Огромное спасибо скажут вам в будущем зятья и невестки. А как быть с супругом? Попытки переделать взрослого человека не только бесплодны, но и однозначно вредны. Ничего, кроме раздражения, это не вызовет. Не знаю, возможен ли какой-то универсальный совет в этом случае. Мы все разные, мы несём глубокий отпечаток условий жизни, предыдущего опыта. Однако же искренняя любовь к человеку, которого мы сами выбрали для жизни, один раз и навсегда, глубокая забота не оставляют равнодушным вторую половинку и часто побуждают отвечать тем же. Единственный важный совет — не молчать о своих сомнениях и переживаниях, о тяготах и заботах.

Вступая в общение с любым человеком, не стоит строить ил-

люзий. Лучше заранее смириться с тем, что даже самый любимый человек обязательно принесёт в нашу жизнь новую тяжесть, новый груз, который предстоит нести наравне с собственным. Нам предстоит не только полюбить или подружиться с ним, но часто и потерпеть его, покрыть немощи, не осуждать, но понять, восполнить недостающее. Такими должны быть отношения супругов. Так поступают родители в отношениях с детьми. Так живут настоящие друзья. Иногда достаточно отказаться от малого для себя, чтобы этим дать много ближнему. На этой идее основаны все человеческие союзы и договорённости. Что же касается предела терпения в несении тягот... Он бесконечен, если в основе лежит подлинная любовь, та, о которой говорил Христос и апостолы. Нам были заданы более двух тысяч лет назад принципы совершенной цивилизации. В основе любых отношений лежит не выгода, не расчёт, а любовь. Все действия проверяются любовью. Продаю ли я товары, оказываю ли услуги, лечу, учу, воспитываю, всегда должен проверять себя: а с любовью ли это делаю? Если нет, то мало будет проку от дел моих...

Елена Чернакова

В старом добром фильме «Служебный роман» есть забавная героиня Шуручка, общественница, которая постоянно суёт нос во все дела. Она знает обо всех сотрудниках немалого коллектива: у кого день рождения, кто ожидает прибавления в семействе, наконец, у кого проблемы в личной жизни. Она искренне считает, что без её активного вмешательства жизнь остановится. Шуручка смешна, может даже раздражать своей неуклюжей активностью. Одно несомненно: ей движет неумное желание помочь всем и вся. Несмотря на всю карикатурность образа, к ней невольно испытываешь определённую симпатию.

КОЛЛЕКТИВ -

ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ

В современных трудовых коллективах «Шуручкам» места нет. Довольно много компаний прописывают прямым текстом запрет на дружеские, любые неформальные отношения среди сотрудников. Как это можно реализовать на практике, сказать трудно. Тем не менее эта идея активно внедряется в общественное сознание. Вас не касается личная жизнь коллег. Их чувства, мысли, симпатии, особенности мировосприятия неважны для производства. Это не может быть предметом обсуждения, дружеской беседы, даже в обеденный перерыв. Получается любопытное противоречие. С одной стороны — дух корпорации, общие ценности, которые каждый член коллектива должен с энтузиазмом разделять и поддерживать. С другой — никаких частных отношений, только ровный дружеский тон. Поработали вместе над проблемой, вежливо друг другу улыбнулись и разошлись. А дружба — это где-нибудь вне работы. Между прочим, на работе мы проводим минимум 40 часов в неделю, а то и больше. И в основном годами работаем на одном месте. Получается, что коллегу мы видим больше, чем родственников. Довольно сложно не завязать дружеских отношений с человеком. На другое столь же тесное общение у человека просто нет времени.

Возможно, это особенность именно русского менталитета. Не самая плохая особенность. При правильном подходе она

даст отличный производственный эффект и обеспечит работникам максимум психологического комфорта. Именно в сотрудничестве, в разумной помощи ближнему, в данном случае коллеге, формируются и проявляются лучшие качества человеческой природы. Чувство долга, коллективизм, бескорыстие, справедливость, ответственность, готовность прийти на помощь, товарищество в его лучшем понимании — эти черты человеческой личности очень привлекательны. На практике это означает заботу об общем благе, об общем деле через заботу о проблемах каждого человека.

Проблемы современных производственных коллективов, больших и малых, можно перечислять долго. Задержимся на тех, которые отражают сущность человеческих отношений. Действительно, мы не можем повлиять на экономические сложности, на отношения с деловыми партнёрами, проблемы с банками и так далее. Но вот отношение к работе зависит полностью от нас. Требуется не так много: делать порученную работу, большую или малую, на совесть, не пытаться перекладывать свою часть на других и чуть-чуть повнимательнее относиться к тем, кто трудится рядом с нами. Дружить с коллегой мы не обязаны, хотя, на мой взгляд, ничего плохого в этом нет. А вот проявлять обычную человеческую чуткость — да! Чуть-чуть подержать, вовремя заметить, что

человек по каким-то причинам делает свою часть работы не так уверенно, как обычно. Прийти на помощь, тактично и деликатно. Иногда промолчать, вместо того чтобы сделать резкое замечание. Оставять за служебным порогом своё плохое настроение, недовольство жизнью или неважное самочувствие. Нет на свете людей, у которых всегда и всё хорошо в жизни. Но это не повод пытаться сбросить раздражение на коллег. В семье, кстати, тоже не стоит. Это кажется банальным и простым, но на самом деле мы далеко не всегда так делаем. Ещё одна проблема — подавление личного начала ради ценностей коллектива. Этому противостоят очень нелегко. Отсюда — желание замкнуться, отгородиться от назойливых призывов делаться как все, особенно если по натуре человек не слишком общителен.

Сейчас существует множество методик и рекомендаций по сплочению коллектива. Практически первым пунктом прописывается создание дружеской атмосферы, в которой должны учитываться интересы каждого человека. Возможность наладить дружеские отношения и пообщаться с друзьями сглаживает стрессовые ситуации и выгорание на работе, повышает её эффективность и в итоге делает корпорацию богаче. Предлагаются многочисленные тренинги, совместные праздники, деловые игры и так далее. Такое совместное обязательно позитивное времяпровождение прямо предписы-

вается сотрудникам. Вот он, дух коллективизма и производственной дружбы! Причём доведённый до абсурда. Все сверкают белозубыми улыбками, легко договариваются между собой, проникаются общими идеями. При этом личностные особенности человека учитываются только в той степени, в какой это полезно компании, производству. Я не хочу на общий пикник? А никто и не спрашивает желаний. Мероприятие закончилось? Замечательно пообщались и разошлись. И тут же забыли о тоскливом взгляде коллеги среди общего веселья. На практике это разовые мероприятия, постоянный рабочий процесс протекает по-другому. Посмотрим, как выглядят идеальные современные офисы.

Тенденция к как можно большей закрытости, изолированности коллег друг от друга просто пугает. Огромные залы, разделенные на индивидуальные кабинки-раковины должны, по замыслам их создателей, обеспечить наивысшую эффективность труда каждого работника. Если при этом не требуется общение с клиентами, то уши, как правило, заткнуты наушниками. Что происходит вокруг, кто работает буквально в паре метров от тебя — неважно. Главное, чтобы человек делал работу хорошо. К чему это приводит в реальной жизни? Вот несколько жутковатых примеров.

Руководство консалтинговой фирмы Accenture пытается разобраться, как работавшие в одном офисе с покойным не заметили его смерть. 28-летний старший аналитик компании, проработавший пять лет, умер в понедельник, а внимание на него обратили лишь в четверг. Смерть коллеги заметили после того, как в отделе кадров потребовали объяснить, почему аналитик пропустил два важных совещания и сорвал срок сдачи аналитического отчета. По данным службы безопасности компании, сотруд-

ник не покидал рабочее место 109 часов. Медики, прибывшие в офис, заявили, что сотрудник скончался 4-5 дней назад от обширного инсульта.

«Наши мысли с его семьей, для них будет утешением, что из-за его смерти я наверняка получу повышение», — заявил один из коллег покойного, отметив, что тот был предан своей работе и наверняка одобрил бы такое решение руководства. Работавшие в офисе аналитики отмечают, что умерший был замкнутым человеком и ни с кем не любил разговаривать. Вот такое оригинальное сочувствие. Это не первая смерть в офисе,

Мы экономим и рассчитываем свои силы, постоянно боимся потратить лишнее душевное тепло. Вдруг самим не хватит? И забываем простую истину: кто отдаёт больше, тот больше и получает. И предписана нам не просто холодная вежливость в отношениях с ближними, а любовь. Та самая, которая долготерпит и не ищет своего.

которую не заметили коллеги покойного. В 2011 г. в одном из издательств Нью-Йорка умер 51-летний корректор, проработавший в компании 30 лет. 23 сотрудника издательства не подозревали о смерти товарища пять дней. Поскольку Джордж имел привычку приходить на работу раньше всех и уходить последним, никто из сотрудников ничего не заподозрил, когда во вторник утром он сидел на своем рабочем месте в той же позе, что и в понедельник вечером. Всем казалось, что корректор просто погружен в работу, хотя на самом деле он уже сутки был мертв. Первым, кто заговорил с корректором, оказался уборщик, поинтересовавшийся в субботу, почему Джордж продолжает работать в свой выходной.

В 2004 г. в Финляндии на своем рабочем месте скончался 60-летний финансовый работник. Коллеги, которые обратили внимание на него через два дня, заявили, что тот любил работать в одиночестве. Поэтому не стали ему мешать. Это примеры страшной разобщённости, когда человек действительно только винтик в огромной машине. Сломался — заменим.

Конечно, мы не такие бездушные механизмы по зарабатыванию денег. Но нередко бывает, что даже от служебных проблем хочется отстраниться. Не видеть, не слышать лишнего, не замечать. Мы живём в сложное в нравственном и культурном отношении время, когда ритм жизни буквально выжимает из человека все соки, не оставляя лишних сил на сочувствие, сострадание ближнему, на понимание его проблем и их принятие со смирением. Именно поэтому чёрствость, отчуждённость, грубость, лицемерие и цинизм стали в последнее время нормой нашей жизни. Но это неправильно! Мы перестаём быть людьми, такими, какими нас замыслил Создатель.

Мы экономим и рассчитываем свои силы, постоянно боимся потратить лишнее душевное тепло. Вдруг самим не хватит? И забываем простую истину: кто отдаёт больше, тот больше и получает. И предписана нам не просто холодная вежливость в отношениях с ближними, а любовь. Та самая, которая долготерпит и не ищет своего. В жизни не бывает случайных встреч. Каждый человек, который встречается на нашем жизненном пути, нам зачем-то послан. Возможно, для того, чтобы мы быстрее постигли важнейшую науку смирения, терпения и любви. Словом, чтобы спасались, даже в то время, когда мы просто ходим на работу. Это я вам как коллега коллеге говорю...

Елена Чернакова

Так уж повелось у нас в России, что к психотерапевтам доверия у народа нет. С давних времён лучший собеседник – это незнакомец, с которым свела тебя краткая дорожная судьба. Один дилижанс двести лет назад или одно купе в современном поезде – не так уж важно. Встретились два, три случайных человека, выговорили друг другу то, что очень накипело, выслушали и расстались навсегда. Зачастую даже имён друг друга не узнали. В жизни почти каждого человека была такая встреча.

Размышления в дороге

Купе ночного поезда, сумрачный свет, постукивание колёс. Двое мужчин и пожилая женщина. Утром люди расстанутся навсегда. А сейчас один из них говорит, не умолкая, отчаянно, словно впервые в жизни. Было понятно, что он говорит не конкретному собеседнику, а самому себе. Поэтому самым разумным было просто молча слушать. Начал он без предисловий, резко, как в омут:

— Вот говорят, горем надо поделиться с близкими. С друзьями там, с родными. Тогда, мол, оно вдвое меньше будет. Ты как считаешь, надо?

Собеседник едва пробормотал несколько общих слов: так принято, надо выговориться. Старушка просто кивнула.

— Нет. Горе, оно затапливает, как вязкая тина. Не выбраться. Был ты когда-нибудь на болоте? Я бывал в детстве, за клюквой с отцом ходили. Он рассказывал, что яркая зелёная поляна посреди болота – не земля, а самая топь. Попал туда – не выберешься. И никого на помощь не позовёшь. Потому что невозможно помочь, пропадут тогда оба. Так и с горем. Засасывает, затягивает. Горе – заразно. Невозможно помочь в утрате. Не воскресишь ты умершего, не вернёшь утраченного. Это из опыта. В настоящей беде никто реально помочь не может! Какая беда настоящая? Только одна – смерть дорогого человека. Чем можно облегчить потерю? Ничем! Допустим, поделился ты, рассказал, если выговорить смог,

как пусто стало, как тоскуешь. Как ждешь всё время – вот он вернётся. Или хоть позвонит. И что в ответ услышишь? Возможны два варианта, и оба плохи. «Пора успокоиться, всё наладится, надо отвлечься». Что наладится? Воскресил когда-то только Христос Лазаря, и ещё этого, сына вдовы, по-моему. Или дочку чью-то. Не помню... Сейчас воскрешать некому. Нету такой силы, чтобы мёртвого вернуть к жизни! А тебя утешать пытаются...Ещё вариант, и тоже плохой: не у тебя одного горе. У нас вот тоже было. И рассказывают мне про любимую умершую бабушку. А я просил? И без того тошно, стало же ещё хуже. Лучше молчать.

Советы ещё начинают давать по-своему разумению. Собаку заведи или смени работу, поменяй квартиру, ремонт сделай. Неужели непонятно, что это тоже ничего не изменит?! Алгоритм стандартный и понятный – исправить ситуацию при помощи набора действий. Но исправить нельзя. Невозможно к смерти относиться как к чему-то, что можно устранить человеческими силёнками. Не работает.

Человек замолчал, уставившись в окно. Темно, только фонари мелькают.

— Жизнь проходит. Пробегает, как эта дорога. Позавчера пацаном был, будто только вчера жениться собирался, и вот он, конец уже близок. Ничего-то не успел. Нет, с карьерой с работой, с общепринятым успехом – это нор-

мально. Слов самых важных сказать не успел, обогреть, пожалеть не успел. Теперь уж не успею. Ладно, неважно это уже. Я про горе ещё не всё сказал. Как оно бывает? Соболезнуем, разделяем печаль, готовы помочь, ты только скажи. Это в первые дни. Сам не раз так говорил. Потом, правда, понял, что помогать надо просто так, как могу, не ждать просьбы. Как, о чём просить в непоправимой беде? Не для хвастовства, вот мол, какой праведный, просто как пример, я много лет денег давал семье рано ушедшего друга. Вот это реально было сделать. Но разговоров со вдовой, любых, избегал. Да она и не особо просила. Молча, тихо беду несла. Ей люди иногда говорили: пора горе пережить, уже два, три года прошло, а ты всё в себе. Круг интересов, говорили, надо расширить! А у неё один круг был – дети, работа, кладбище. Говорили – неправильно живёшь. Оказывается, умные психологи и прочие мудрецы придумали, что есть у горя стадии, сроки. И если ты, человек, в них не укладываешься, то горюешь неправильно. Она от-малчивалась, всё больше убегала от такого «сочувствия», избегала разговоров. Так находились те, кто её же и обвинял: гордая не в меру, не хочет к нам обращаться! Детей доростила и стала она стремительно угасать.

За неделю до её смерти зашёл я к ней в гости. Видел уже, что не жилица. Поговорили, впервые она при мне о муже вспоминала.

Она-то и сказала, что горем делиться нельзя. Ты, рассказав даже очень близкому человеку о своей беде, только думаешь, что свалил хоть чуточку груза. Да, эмоциональную разрядку получил ненадолго. А что потом? Что изменилось? Мертвый ожил? Нет. Твои проблемы за тебя человек не решит. Их никто решить не может. У каждого своих бед куда как хватает. Зачем добавлять собственные? Эгоизм это, получается. С себя напряжение сбросил, другого напряг. Только зачем? Не надо утяжелять и без того непростую жизнь людям. Твоё горе — ты носи честно, как можешь. На других переложить не пытайся. Не получится.

— Да, горящему мы ничем помочь не можем, — вступил в разговор мужчина по-моложе, — я врач, со смертью сталкиваюсь часто. Все люди разные, никогда нельзя предугадать, как поведут себя родственники. У нас алгоритм чёткий — сухое короткое сообщение о факте. Можно обвинять врача в чёрствости, но по-другому не получится. Сердца не хватит. Был у нас один профессиональный жалельщик. Вёл долгие разговоры. Я сначала думал — какой молодец, пока однажды не услышал, о чём он с родственниками беседует. Он приводил примеры разного горя. У кого-то единственный ребёнок умер, или вся семья погибла, а у вас только старенькая мама. Утешайтесь люди, другим хуже, чем вам. Вместо сочувствия человек получал дополнительный стресс.

— Человек в горе уязвимым становится, беззащитным, как в метель без одежды. И находится немало желающих за его счёт свой груз ослабить. Вроде бы соболезнают, а на деле глубже погружают человека в горькую топь. Перемолчал, изобразил бодрость, как от тебя ждут, и самому себе жизнь облегчил.

— Современный человек много боится, — тихо сказала пожилая женщина, глядя в тёмное окно, — бедности, старости, смерти, любой беды. Это активно внушается нам. В жизни главное — успех, вернее, его поверхностное блестящее отражение. Стандарт-фраза на все случаи жизни: у вас всё в порядке? Язык

Мы сильнее, чем думаем о себе. Дано — неси. Думай, почему и зачем дано, ищи пути выхода. Или просто смирись. Не всё можно изменить. Да почти ничего нельзя из внешних обстоятельств. Мы только себя изменить можем, если очень постараемся.

не повернётся ответить — нет. Да, в порядке, мне ничего не нужно. Удобно жить, никого не обременяя и не пытаюсь никому помочь. Чуткий настрой на другого, принятие чужих бедствий как собственных нам, чаще всего, не по силам. Но так было не всегда... Лет через двадцать после совместной жизни мы с мужем стали замечать, что нам не нужны слова, чтобы поделиться чем-то друг с другом. По одному повороту ключа в замочной скважине я могла точно сказать — у него сегодня неприятности на работе. Когда я, зная его повышенную эмоциональность, пыталась скрывать свои проблемы, то он обижался на меня. «Неужели ты думаешь, что я не вижу, не заслуживаю твоего доверия?», — говорил он. Не всегда мы могли помочь друг другу делом. Уходили из жизни наши родители, близкие люди. Но мы точно знали, что вместе снесём любую беду.

— Это другое дело, — убеждённо сказал мужчина, — не зря про таких супругов говорят — одна плоть. Редко только так бывает. Знаю примеры, когда горе разводило мужа с женой. Да

все их знают. Болезнь, бедность, потеря, много чего. И часто с того начинается, что муж жене или жена мужу пытается о своих сложностях, проблемах рассказать, поделиться. Но нет никакого понимания. Проще бросить, как негодную вещь, да начать жизнь заново, пока ещё время не вышло. А другому что остаётся?

К самому близкому, к самому родному человеку за помощью, да просто за сочувствием шёл, а тебя предали. Сам горе мыкай. Так что и в семье лучше о горе молчать. Спокойнее будет.

— Горе похоже на тяжёлую работу, — после длительного общего молчания сказал врач, — каждый делает свою работу сам. Есть, конечно, коллеги, помощники, некий коллективный труд. Но свою часть — только сам. Переложил на другого, значит, нагрузил сверх меры. Он и свою работу сделает плохо, а твою и вовсе забросит. Ты отвечаешь за то, чтобы прожить горе, как неприятный, но необходимый труд самому. Тогда и выйдешь из него нераздавленным. Мы сильнее, чем думаем о себе. Дано — неси. Думай, почему и зачем дано, ищи пути выхода. Или просто смирись. Не всё можно изменить. Да почти ничего нельзя из внешних обстоятельств. Мы только себя изменить можем, если очень постараемся.

Поезд начал замедлять ход. Взяла свою сумку женщина, тут же молча ношу перехватил врач.

— Мне тоже на этой станции. Я провожу вас до автобуса, — сказал он спокойно, но так, что возразить было невозможно.

Мужчина остался один в купе. Поезд тронулся, быстро убежал перрон. Горе, горькое, непоправимое, навалилось в тишине ещё тяжелее. Ничего, он справится сам. Должен.

Случайный попутчик

Чудо о дружбе

РАССКАЗЫ СТАРОГО КОЛОКОЛА

Однажды тёплым весенним воскресным днём наши звонкие колокольчики спешили в гости к любимому дедушке Старому колоколу.

– Целую неделю мы не видели дедушку! – восклицал Дон.

– У него, наверное, и новая история для нас есть, – говорила Динь.

Дедушка ждал внуков на крыльце. Они радостно обнялись, поприветствовали друг друга особым Пасхальным чином.

– Христос Воскресе! – прогудел старый Колокол.

– Воистину Воскресе! – звонко прозвучало в ответ.

И вот угощение на столе, заварен особый душистый дедушкин чай. Динь аккуратно расставила чашки и блюда.

– Сначала – угощение, потом – история, – улыбнулся дедушка, видя, как нетерпеливо смотрят на него внуки.

– Про что же ты расскажешь нам, сегодня, дедушка? – спро-

сил Дон, помогая Динь убирать посуду.

– Про дружбу. Крепкую, настоящую, для которой нет никаких преград. Как вы думаете, что самое важное в дружбе?

Колокольчики задумались. Затем Дон решительно сказал:

– В дружбе самое главное – думать не о себе.

– Верно замечено. Вот послушайте. Давным-давно в древнем городе Капернауме, что стоит на берегу Тивериадского моря, жило пятеро верных друзей: Иохим, Натан, Габриэль, Якоб, Ицхак. Их дружба зародилась в раннем детстве, когда они вместе играли в нехитрые игры, учились плавать в тёплых ласковых водах или помогали своим отцам-рыбакам. Друзья выросли, и их дружба становилась всё крепче.

Иохим был старшим сыном в своей большой семье. Отец отдал мальчика в школу при синагоге.

– Ты должен быть грамотным, сынок, – говорил он, – потому что тебе предстоит стать главой нашего рода.

Другие мальчики не смогли учиться, их семьям нечем было заплатить за учёбу. Но с тех пор

почти каждый вечер друзья уходили в небольшую рощу за селением, и Иохим рассказывал им то, что узнавал сам.

Через год, на праздник Пасхи, мальчик впервые должен был читать Священный текст для всех жителей окрестных дворов. Громко и торжественно звучали великие слова Откровения. Через несколько минут Иохим вдруг остановился и протянул свиток Натану. Он уверенно продолжил чтение, затем передал текст Габриэлю. Якоб, Ицхак – все они безошибочно прочли священный текст в полной тишине. Молчание нарушил старый раввин.

– Ты правильно воспитал сына, – сказал он, обращаясь к отцу Иохима, – в этом мире непрочно ни богатство, ни слава. Только истинная дружба бесценна.

С этого дня отцы мальчиков не делали различия между ними. Отец Натана славился на всю округу умением строить особые легкие и удобные лодки. В рыбацком краю такое умение ценилось высоко. Друзья вместе овладели этим ремеслом. Дед Габриэля научил мальчиков разыскивать целебные травы и делать из них

отвары. Отец Якоба показал, как плести особо крепкие сети для ловли рыбы, а отец Ицхака, у которого был самый красивый сад в селении, делился с мальчиками сокровенными секретами земледельцев.

Мальчишки далеко не всегда были безукоризненно послушны. Их манили приключения, притягивала неизвестность. Заводилой чаще всего был Ицхак. Чуть младше остальных, высокий и гибкий, невероятно любознательный, он то и дело подбивал друзей на разные затеи. Они убегали к дальним пещерам на поиски сокровищ, пытались добраться до острова посреди Тивериадского моря, но чаще всего отправлялись на вершины высоких холмов, окружавших город. Мальчишки вглядывались в дрожащее море нагретого воздуха, пытаясь угадать, какая же жизнь скрывается там, вдалеке.

– Воон в той стороне Иерусалим, – говорил Иохим, – отец рассказывал, как он побывал там. Такого великолепия, как Храм, ему никогда больше видеть не доводилось.

– Мой отец говорит, что все мы тоже обязательно побываем там. Каждый взрослый иудей обязан приходить в Храм, как бы далеко от него он не жил, – рассудительно заметил Натан.

Отцы семейств очень сердились на отлучки сыновей. Опасно уходить далеко! Окрестные пустыни кишели ядовитыми змеями и недобрыми людьми. Но вот наказать их за непослушание удавалось редко.

– Кто был заводилой? – грозно вопрошал отец Ицхака.

– Нет-нет, это не он, это я, – ропливо говорил Габриэль.

– Да что ты, это же я придумал про пещеры, – тут же подхватывал Якоб.

Отцы махали руками, но виноватых не было! Каждый горой стоял за других.

– Если уж вам так не хватает приключений, выходите на ловлю рыбы, – рассудил отец Натана.

Пятеро друзей вместе построили большую лодку. В ней было три пары весел, две больших сети и руль. Даже в непогоду лодка прочно держалась на воде, а неизменным богатым уловом мальчишки охотно делились с двумя вдовами, что жили по соседству.

Незаметно пролетело время. Мальчишки выросли в красивых сильных юношей. Они знали и умели гораздо больше своих ровесников. Однако у каждого из них было и своё излюбленное занятие. Якоб больше всего любил работу в саду. На самой каменистой земле он умел выращивать огромные яркие розы и сочную зелень. Натан, как и его отец, умело мастерил лодки, а ещё он обладал очень красивым и сильным голосом. По вечерам, после захода солнца, он частенько пел мелодичные и протяжные песни. Всё селение замирало, слушая его пение. Габриэль, несмотря на юный возраст, считался умелым лекарем, он не только готовил отвары и мази, но умел остановить кровь или вправить вывих. Но более всего жителей Капернаума изумляло, что плату за лечение он не брал. Ицхак же продолжал мечтать о путешествиях и неизведанных землях. Все время, свободное от рыбной ловли и работы в отцовском саду, он посвящал уединенным прогул-

кам, забирался на холмы и подолгу вглядывался в долину, что расстилалась перед ним. Дороги манили, звали, но он понимал, что едва ли сможет покинуть своё селение. Иохим по-прежнему очень любил книжную премудрость и при всяком удобном случае читал или рассказывал друзьям тексты священных книг. Однажды, когда юноши сушили сети после удачного лова, он рассказал им о Мессии.

– День, когда Он придёт на нашу землю, станет счастливым для всех. Он осушит слёзы плачущим, накормит голодных, исцелит болящих. Не будет больше никакой скорби, а будет общая радость и общее спасение.

– Вдруг нам так повезёт, и Мессия придёт на землю вскоре, – задумчиво произнёс Ицхак, – знаете, когда я забираюсь на вершину самого высокого холма или ухожу далеко вдоль берега, то чувствую, как мир меняется. Как будто сама природа ждёт своего Творца.

– Хотелось бы, чтоб так было, – вздохнул Якоб, – слишком много зла скопилось в мире. Наверное, Мессия сможет прогнать этих римских захватчиков.

– Римские солдаты шныряют повсюду, – гневно произнёс Натан, – на днях они продырявили сети у старика Исидора. Им показалось, что он недостаточно быстро уступил им дорогу!

– Нам надо беречь свои души, не оскверняя их страстями, – рассудительно сказал Габриэль, – чтобы достойно встретить Мессию. Зло – оно не только в том, что кто-то обижает нас. Несколько дней назад я услышал от одного путника, что остановился у наших соседей, удивительные слова. Он говорил, что надо не только не воздавать за причинён-

ное зло, но простить обидчика и даже пожалеть его! Эти слова запали мне в душу.

– Ну, не знаю, как это возможно, – протянул Ицхак.

– Но мы же не держим в сердце обид друг на друга, – заметил Иохим.

– Это другое дело. Мы дружим всю жизнь, как братья, – горячо возразил Натан.

– И не раз доказали это делом, – сказал Якоб.

Несколько дней спустя Ицхак вновь отправился на прогулку по дальним холмам. На этот раз он решил спуститься к подножию одного из них и немного углубиться в долину. Быстро и ловко перепрыгивал он небольшие расщелины. На камне, куда он только что поставил ногу, свернулась кольцом маленькая чёрная змея. Она угрожающе зашипела, Ицхак вздрогнул и оступился. Он упал спиной на гладкие камни. Свет померк в глазах юноши.

Очнулся он уже ночью. Прямо в лицо светила холодная луна. Ицхак не мог даже пошевелиться. Неужели, с горечью подумал он, мне суждено найти здесь свою кончину? Нет! Он собрал все силы и попробовал позвать на помощь. Его голос прозвучал тихо, и больше походил на стон. Ицхак закрыл глаза, чтобы не видеть мёртвого света луны.

– Господи, – взмолился он, – не дай мне погибнуть тут в холодном одиночестве! Дай знать моим друзьям, где искать меня!

Он молился, пока усилившаяся боль не помутила сознание. Очнувшись, юноша услышал:

– Хвала Создателю! Наш друг жив!

Да, верные друзья нашли его. Они рассказали Ицхаку, что по-

тратили на поиски не так много времени. Как будто кто-то неведомый направлял их путь. Юноша сильно разбился о камни, но Габриэль надеялся, что сумеет вылечить его. Увы, лекарское искусство оказалось бессильным. Ицхак не мог встать, почти не шевелил руками и ногами. По молчаливому согласию друзья пятую часть своего заработка отдавали семье Ицхака. Каждый день они приходили к нему, не давая унынию поселиться в сердце друга.

Однажды Натан вбежал в дом Иохима и закричал:

– В наш город идёт дивный Целитель! Несколько дней назад Он исцелил множество народа в соседнем селении. Хромые ходили, слепые прозрели! Это спасение для нашего Ицхака!

Четверо друзей пришли в дом, бережно подняли друга на носилки и осторожно понесли к дому сотника, где остановился необыкновенный Целитель. У ворот колыхалась многоголосая толпа. Не было никакой возможности протиснуться сквозь неё с носилками. Ицхак протяжно вздохнул:

– Спасибо вам. Но к Целителю, видно, не попасть.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал Якоб.

– Я знаю, что надо делать! – воскликнул Габриэль.

Двое друзей ловко взобрались на плоскую крышу дома. Двое поддерживали носилки с болящим снизу. Несколько усилий – и они поднялись на кровлю.

– Теперь разберём крышу! – воскликнул Иохим.

Сдвинуть соломенное покрытие было делом нескольких минут. Якоб принёс крепкие верёвки. Их продели под носилки и в образовавшееся отверстие

спустили болящего прямо к ногам Человека в белом хитоне, что сидел посреди горницы в окружении людей.

– Что вы делаете! – возмущённо воскликнул сотник.

Человек поднял руку, и гневные голоса тут же смолкли. Он наклонился над носилками и взглянул прямо в глаза Ицхаку.

– Прости нас, – смущённо проворкотал юноша, – мои друзья очень хотели помочь мне, вот и решились на такую дерзость.

– Хочешь ли быть здоров? – спросил Человек Ицхака.

– Больше всего хочу!

– Тогда вставай, бери постель свою и иди.

Ицхак осторожно пошевелил ногами. Ноги послушались. Он сел на своей постели, затем встал на ноги и сделал несколько шагов. Ноги шли! Исчезла изматывающая боль! Он здоров.

– Хвала Господу! – в один голос воскликнули его друзья.

– Что я могу сделать для тебя? – с дрожью в голосе спросил Ицхак у Человека.

– Ты и твои друзья уже сделали всё, что было нужно. Живите так же и дальше. От греха отворачайтесь, дружбу берегите.

Через несколько дней Человек покинул Капернаум. Друзья вышли за городские ворота, чтобы проводить его и Ицхака. Им было так жалко расставаться с ним, как будто каждый лишился части самого себя.

– Не от вас я ухожу, друзья мои, – сказал им Ицхак, – но иду следом за Мессией, чтобы послужить Ему. Моё сердце останется с вами. И мы все обретём вечную радость.

Елена Чернакова

СТУЧИТЕ,

И ОТВОРЯТ ВАМ...

На улице была весна. Не та, цветущая, с черёмухой и клейки-ми, остро пахнущими листочками, а мокрая, полная луж, серого снега и солнца. Но всё равно было радостно. И не страшно, что дует холодный ветер. Надоевшие за зиму шапки скинуты, волосы развеваются. Каникулы! Можно гулять хоть целый день. Этим и занимались две неразлучные подружки Таня и Марина, восьмиклассницы, почти отличницы. Сегодня они решили исследовать дальнюю часть их города. Сначала девочки ехали на автобусе, потом пересели на трамвай и вот уже два часа бродят по незнакомым улицам, сворачивают во дворы, разглядывая дома. Район был сплошь старой застройки. Среди домов попадались довольно причудливые, с башенками, арочными проходами.

– Интересно, каково жить в таких квартирах? Смотри, стены толстенные, как в крепости! – говорила Марина, оглядывая очередную двор.

– Наверное, здесь только старики живут и старушки. Мне мама рассказывала, что такие дома лет

пятьдесят назад строили. И квартиры давали тем, кто на заводах работал, – сказала Таня.

Действительно, во дворах им почти не встречались дети. Вообще было удивительно малоллюдно, как будто это не их вечно спешащий мегаполис, а какой-то другой маленький, незнакомый городок. Это добавляло прогулке таинственности. Подружки даже разговаривать стали вполголоса. В один из дворов, куда вёл арочный проход, они обнаружили очень славные качели. Солнце успело высушить деревянные сидения, и качаться было легко и приятно.

– Вот бы полететь куда-нибудь, – мечтательно сказала Таня, запрокинув голову к небу.

– Может летом. Родители в Крым хотели. Давай попросим, чтобы тебя с собой взять можно было. Помнишь, как мы в Москву так летали в позапрошлом году?

– Да, здорово было. Только я сейчас не об этом. Просто крылья расправить и полететь, прямо в небо.

– Фантазёрка ты, Тань. Пойдём дальше. Нам надо домой

вернуться до часа пик, помнишь?

Девчонки отправились по улочке, что шла вдоль домов. Им наперерез важно прошествовал большой рыжий кот. На призывное «кис-кис» он только презрительно дёрнул пушистым хвостом. Потом крикливая стайка синиц, похожих на школьников на перемене. Потом невесть откуда взявшаяся ярко-желтая бабочка. Весна бежала навстречу подружкам и щедро делилась с ними радостью. Единственным минусом были лужи, которые не всегда удавалось обойти. Ноги промокли и слегка замёрзли.

– Давай поищем какое-нибудь местечко, где можно будет посидеть и согреться, – предложила Марина.

Таня была не против, но, как назло, ни кафе, ни чего-то подобного не попадалось. Подруги уже было собрались вернуться к трамвайной остановке и закончить прогулку на сегодня. Они повернули за угол и замерли от неожиданности. На пересечении улиц была небольшая площадь. Прямо посередине стояла не-

большая нарядная бело-голубая церковь. Солнечный свет щедро отражался от трёх золочёных куполов и крестов. Как замороженные, девочки пересекли дорогу и подошли к нарядным кованым воротам. Правда, ограды вокруг почему-то почти что не было. Так, небольшой деревянный заборчик и сетка, местами порванная.

– Тань, давай зайдём, интересно же, – громко сказала Марина.

– Ты что! Религия – это ж для отсталых! Что мы там делать будем, на бабулек смотреть? – возмутилась Таня.

– И ничего не для отсталых! Вспомни, что нам Ирина Андреевна рассказывала на литературе.

Таня замолчала. Свою классную руководительницу она очень любила. Строгая, даже суровая с виду, она на самом деле была очень добрым человеком. Все в классе знали, что она всегда готова заступиться за них даже перед грозным директором. И русский с литературой были любимыми предметами. Девочки иногда делились с ней самыми сокровенными мыслями и точно знали, что она не отмахнётся, не скажет, как часто говорят взрослые: маленькие ещё. Выслушает, подумает, даст совет или расскажет подходящую историю. Перед каникулами Ирина Андреевна всегда проводила урок по любимым книгам. В этот раз они засиделись очень долго. Уже давно прозвенел звонок, но никто не спешил домой.

– Книга должна звать вперёд, увлекать новыми идеями, – горячился Володя, – иначе нет смысла в чтении. Ваши пейзажики-размышления на три страницы – зачем они. Хемингуэй, Джек Лондон – вот образец толковой прозы.

– Но нельзя только бежать, – возражала Лена, которая сама пробовала писать, – описания придуманы не просто так. Они

позволяют глубже понять душу героя, проникнуться его настроением.

Другие спорили не менее активно. Мелькали имена Крапивина, Чехова, Куприна, Шолохова, Толкина, ребята были очень неплохо начитаны.

– Вот вы, Ирина Андреевна, как считаете, какие книги важнее? – обратилась к ней Марина.

– Важнее всего те книги, которые близки и понятны многим поколениям. В них скрыта мудрость и глубокое знание. Так думаю я.

– Пушкин что ли? «Наше всё»? – хмыкнул Костя.

– Есть удивительная книга, ребята, не прочитав которой, вы не сможете по-настоящему понять литературу. Это первая и самая главная книга в мире. Её тираж огромен, более пяти миллиардов экземпляров. Её читают от севера до юга и от востока до запада. Читают уже несколько тысяч лет. Это Библия. Уже несколько лет как она стала доступна и в нашей стране. Попробуйте хотя бы начать читать эту вечную Книгу. Тем более, что время сейчас самое подходящее.

– Ну да, каникулы же, – быстро сказала Вера.

– Великий пост, – не слишком понятно ответила учительница.

Марине очень захотелось узнать побольше о том, что это такое. Но Ирина Андреевна аккуратно свернула беседу, пожелала всем хороших каникул и отправилась по домам.

– Марин, а в этой церкви Библия есть? – почему-то шёпотом спросила Таня.

– Наверное, – ответила Марина и потянула подругу за рукав. Девочки пригладили растрёпанные волосы и нерешительно вошли в ворота. Таня потянула медную блестящую ручку, тяжёлая дверь приотворилась.

Девочки зашли внутрь и робко остановились у дверей. В неболь-

шом помещении было темно. На стенах висело множество икон. Большие, поменьше, в разных рамках или даже золочёных обрамлениях. Вдоль стен стояло несколько высоких подсвечников. Было так тихо, что слышно потрескивание горящих свечей. Пахло сухим деревом, воском и ещё чем-то незнакомым. Впереди виднелись нарядные резные двери. Изнутри они были плотно закрыты чёрным занавесом.

Марина осторожно двинулась вдоль стены с иконами, как будто входила в неизведанный мир. Таня нерешительно пошла вслед за подругой. Жители этого мира смотрели на них удивительно живыми глазами, как будто не были нарисованы на досках и холстах, а смотрели сквозь окна. Мужчины, женщины, даже дети!

– Марина, а кто они, как ты думаешь? – спросила шёпотом Таня.

– Святые, наверное, – неуверенно сказала девочка, – я читала, что это такие люди, которые уходили жить в разные пустыни, и только и делали, что читали молитвы. И Библию тоже. А ещё их за это древние правители могли даже убить. Не знаю, почему, они же не делали ничего плохого.

Девочки медленно обошли церковь, иногда останавливаясь у икон. Странно, но они были совсем одни. Никто не ругался, не говорил, что они ведут себя как-то не так, не требовал от них поклонов. Таня была уверена, что в церкви обязательно ругаются какие-то бабушки.

– Так наша соседка маме рассказывала. Они в церкви все ходят, чтобы люди только молились.

– Думаю, соседка ваша просто что-то не так поняла. А ты какую-нибудь молитву знаешь?

– Нет. А ты?

– И я нет. Наверное, в Библии и молитвы есть. У кого бы спросить, где ж Библию взять? – ска-

зала Марина, оглядываясь по сторонам.

– А ты правда собираешься её читать? – спросила Таня.

– Конечно. Хочу узнать, что в ней такого, что люди читают много тысяч лет. Неужели в этой церкви никого нет? Как будто заколдованное место...

– Нарния, – шёпотом сказала Таня, – помнишь, Колька недавно книжку приносил? Таинственный мир. Зазеркалье.

– Нет, – ответил чей-то негромкий голос, – зазеркалье – это придуманное место. Вы же в самом что ни на есть реальном.

Девочки обернулись и увидели невысокого пожилого мужчину, скорее дедушку. Небольшая седая борода, длинные волосы собраны в хвостик, и чёрная одежда, похожая на платье. Он смотрел добрыми глазами и слегка улыбался.

– Мы хотели Библию найти. Учительница Ирина Андреевна сказала, что это самая главная книга.

– Так и есть, – улыбнулся дедушка, – но читать её непросто. Каждый раз, когда человек заново открывает эту Книгу, он читает её как будто впервые.

– Она что, меняется? – удивилась Таня.

– Нет. Это человек меняется, – ответил старик не слишком понятно, посмотрел на девочек, жестом предложил присесть на широкую скамью у входа.

– Вы, я думаю, много книг уже прочитали? – скорее сказал, чем спросил он.

«Откуда он знает?», – подумала Таня с каким-то суеверным страхом.

– Ирина Андреевна – моя духовная дочь. Зная о её любви к книгам и детям, могу сделать правильный вывод, – улыбнулся дедушка на невысказанный вслух вопрос, – Библию я вам дам обязательно. Но скажите мне, что вы

хотите узнать из неё?

Вопрос был непростым. Действительно, что? В голове Марины неожиданно родился ответ.

– Про Бога хотим узнать, мы же о Нём ничего почти не знаем. И про святость.

– Доброе дело. Но вы должны быть готовы к тому, что узнать вам придётся всю жизнь. И прикладывать для этого много усилий. Но про Бога вы всё же кое-что знаете. Скажите мне, умницы-отличницы, можно ли, разбросав по полу буквы разрезной азбуки, получить хотя бы крошечный рассказ?

– Нет, конечно, – удивлённо сказала Таня, – буквы надо не разбрасывать, а складывать.

– А что нужно для того, чтобы буквы сложить правильно?

– Надо буквы выучить, – ответила Марина, – и подумать.

– Я же говорю, отличницы! Бог – это разум, – возликовал дедушка, – тогда вам будет понятно самое начало Библии.

Он извлёк толстую книгу прямо из большущего кармана, открыл самую первую страницу, и негромко, внятно начал читать:

– В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет.

И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

Слова падали, попадая в самую глубину сердца. Простые, понятные, полные глубокой истины. Старик протянул книгу Марине.

– Читайте. Понемногу, но каждый день. Думаю, за полгода осилите на первый раз. Будет непонятно – приходите ко мне, а можно и к вашей учительнице.

– А скажите, пожалуйста, – решила наконец Таня, – где эти бабушки? Нам говорили, что в церкви всегда бабушек много.

– Придут, придут скоро мои старушки. К вечерней службе придут. Много их тут живёт, в старых заводских домах.

– А нам можно на службу? – совсем осмелев, спросила Таня.

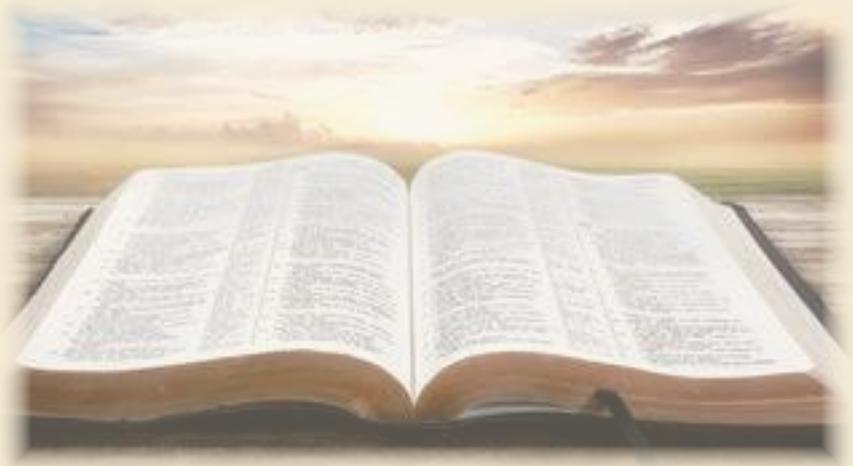
– Дома-то ждать будут? Вы лучше завтра с утра приходите. Сумеете рано встать, чтобы к девяти приехать?

– Да, – твёрдо сказала Марина.

– Вот и славно. Жизнь у вас впереди длинная. Держитесь за слово Божие. Ничего вернее нет.

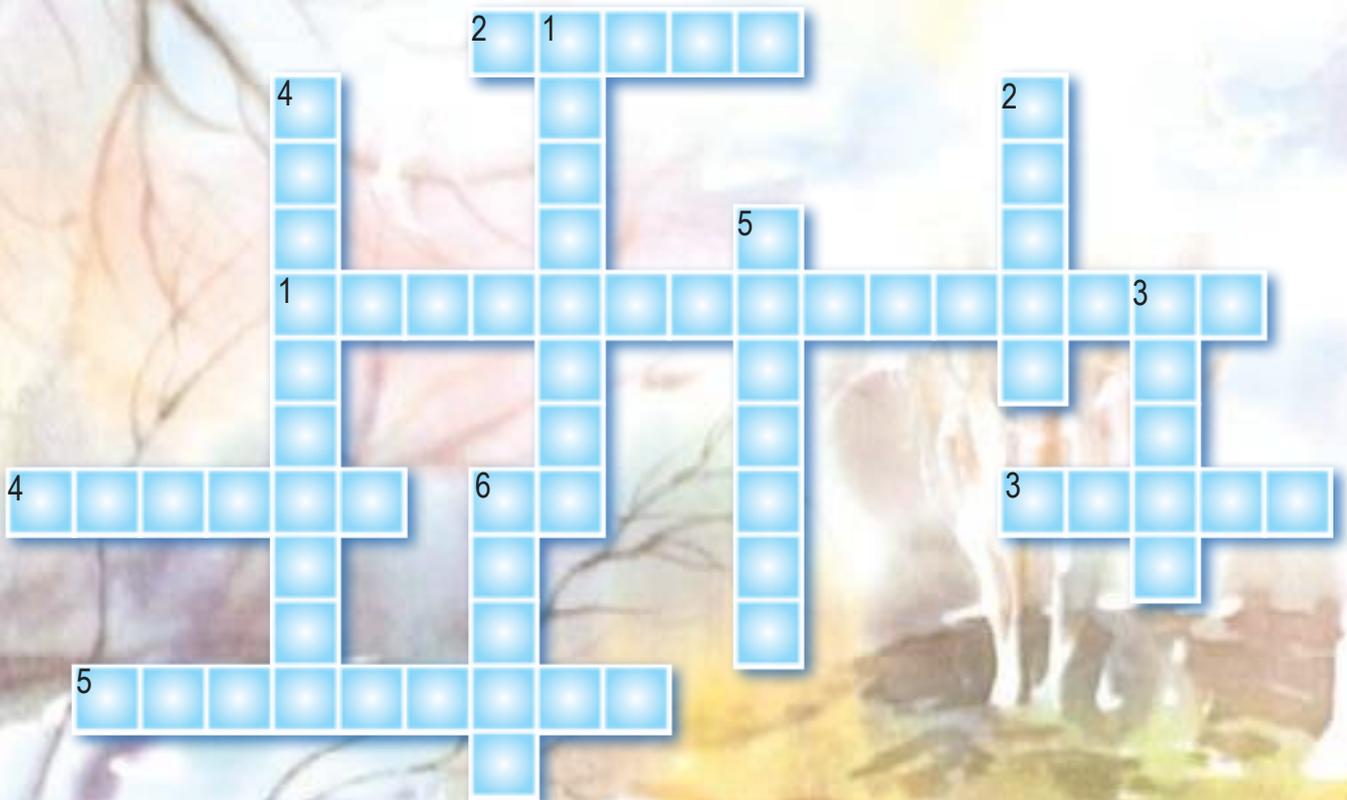
Подружки ехали домой в молчании. Каждая старалась сохранить в душе то важное, что было посеяно только что.

Елена Чернакова

КРЕСТОСЛОВИЦА

Предлагаем детям и родителям вместе ответить на вопросы нашей кросстословицы. Для этого вам потребуется вспомнить текст Евангелия, отдельные моменты богослужения и недели Великого поста. Желаем удачи!

По горизонтали:

1. Название третьей недели Великого поста.
2. Кто первым увидел Воскресшего Христа?
3. Небесный хлеб.
4. Что зарыл в землю ленивый раб?
5. Как называется неделя, предшествующая Пасхе?

По вертикали:

1. Как называли учеников Христа?
2. Изображение Господа, Богородицы или святого.
3. Истинно, да будет так.
4. Дерево, которое проклял Иисус, не найдя на нём плодов.
5. Место, где распяли Христа.
6. Имя одного из Евангелистов.

По горизонтали: 1. Крестопоклонная. 2. Мария. 3. Манна. 4. Тагант. 5. Страстная.
По вертикали: 1. Апостол. 2. Икона. 3. Аминь. 4. Смоковница. 5. Голгофа. 6. Иоанн.

Ответы:

ДАВАЙ НИКОГДА НЕ ССОРИТЬСЯ

Сказка

Женя и Лиза, сёстры-близнецы, занимались ответственным и важным делом. Мама поручила им украсить яйца к Пасхе. От такого неожиданного доверия близнецы слегка растерялись.

– Не бойся, – важно сказала Лиза, – ничего особенного. Подумаешь, яйца украсить! Да я сто раз видела, как это делается!

– Не задавайся, – фыркнула Женя, – тоже мне, взрослая!

И неожиданно сёстры начали спорить. Они ссорились почти всё время, пока украшали сваренные мамой яйца. Из-за этого некоторые получились кривовато расписаны, или с неровными наклейками.

– Это ты неправильно делаешь, – сердито шипела Женя.

– На свои посмотри, всё как попало! – гневно отвечала Лиза.

На блюде осталось последнее белое яйцо. Сёстры потянулись за ним, схватили... Ах! Яйцо упало на пол и разбилось.

– Хи-хи! – вдруг услышали Лиза и Женя тоненький ехидный смешок.

– Показалось, наверное, – прошептала Лиза и схватила Женю за руку.

– Хи-хи! – раздалось громче. Из самого тёмного уголка вышли, держась за руки, два крохотных человечка.

– Вы кто? – хором спросили девочки.

– Мы гномики-ссоррики! Приходим к тем, кто ругается-спорит-ссорится и всё у них портим. Вот и к вам пришли... Хи-хи!

– Сейчас вот залезем на стол, – пропыхтел гномик в красном колпачке, карабкаясь на стул.

– И разобьём-раскидаем то, что вы делали и ругались! – крикнул гном в синем колпачке.

– Не надо! – воскликнула Женя

– Это же к Пасхе приготовлено, – жалобно сказала Лиза.

Гномы остановились, задумались и хором спросили:

– А что такое Пасха? И при чём тут нарядные яйца?

– Сейчас, – Лиза быстро сбегала в комнату и вернулась с яркой книгой в руках, – Женя вам прочитает.

Женя открыла книгу и начала звонким голосом:

– По улице древнего Рима идёт женщина. В руке она осторожно держит белое яйцо...

– А куда она идёт? – нетерпеливо спросили гномы.

– Сейчас увидим, – сказала Лиза.

И вдруг девочки начали уменьшаться! Они стали такими же, как гномы. Они с удивлением огляделись, но вместо кухни увидели булыжники мостовой.

– Идём за этой женщиной, – шепнул один из гномов.

Крохотные девочки и гномы поспешили за ней. Женщина остановилась у роскошных ворот дворца императора.

– Кто ты и зачем пришла? – спросил грозно стражник.

– Я Мария Магдалина. У меня важное известие для императора.

– О чём ты собираешься ему поведать? – насмешливо спросил стражник

– О жизни вечной, – спокойно ответила женщина и прошла в ворота. Наши малыши поспешили за ней.

Император сидел на троне и скучал.

– Мария Магдалина? Её родители были богатыми людьми... Пусть войдёт.

Мария, а за ней близнецы и гномы, вошли в тронный зал. Какой он огромный, как богато украшен! Важный человек в красной мантии с золотым обручем на голове повелительно махнул рукой. Служитель подбежал к Марии и взял из её рук белое яйцо. Малыши замерли.

– Ты обеднела, – сказал император, вертя в пальцах скромный подарок.

– Нет. Я стала гораздо богаче тебя. Я видела Воскресшего Христа и твёрдо знаю, что получу жизнь вечную.

– Это сказки, – зевнул император, – я скорее поверю, что вот это белое яйцо станет красным, чем в то, что кто-то может воскреснуть.

– Смотри, император, – спокойно сказала Мария.

Важный правитель с испугом увидел, как в его руках белая скорлупа становится ярко-красной! Он вскочил на ноги и едва не уронил подарок.

– Не может быть... Не может... Но стало же! – бормотал он растерянно.

– Воистину Воскресе Христос! – воскликнула Мария Магдалина, а вместе с ней и девочки.

И тут же тронный зал исчез. Женя и Лиза вновь оказались у себя дома. Гномики остались маленькими, а они вновь стали большими.

– Подарите нам одно яйцо, пожалуйста, – вежливо попросили они.

– Выбирайте сами, – сказали девочки.

Гномы выбрали одно красное с золотыми звёздами яйцо, поклонились близнецам и пропали, как будто их и не было.

– Нам это не приснилось? – спросила Женя.

– Думаю, нет, – сказала Лиза, – Давай больше никогда не ссориться.

– Давай, – радостно сказала сестра.

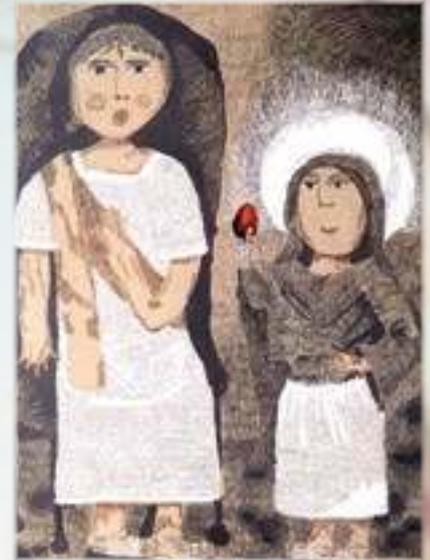

Рисунок Бориско Ксении, участницы Клуба любителей семейного чтения «Ромашка»

Сказку сочинили члены Клуба любителей семейного чтения «Ромашка»

Стихи в журнале «Православная семья» встречаются нечасто. Тем приятнее представить нового автора-поэта. Татьяна Петровна Ткаченко, педагог начальных классов Ясковской СОШ № 3. Прихожанка храма во имя иконы Божией Матери «Спорительница хлебов» села Новошилова и староста Ясковского прихода. О себе Татьяна Петровна пишет кратко: «Стихи начала писать давно, когда работала в православной гимназии «Талант». Преподавала риторiku, учила детей писать стихи и случайно сама научилась... Писать удаётся редко... Темы связаны с моей жизнью: храм, семья и школа».

ВЕСНА

За окном капель,
За окном весна...
Как ждала тебя,
Утро года!
Хоть весна – свирель,
Но звучит одна,
А в душе опять непогода.
И из глаз – слеза,
И из горла – крик,
Из души – молитва
Благая.
Где весна, там крест,
А где крест, там Спас.
Я спасенья миг
Ожидая...

Татьяна Ткаченко, 02.04.2009

ПАСХА

Растворилось все в звоне
пасхальном:
И невзгоды, и беды-печали,
Жизни вся черно-бело полосица,
И весны этой разноголосица.

Сердцу радостно и благодатно,
Вись зовет и стремится безоглядно...
С каждой веточкой руки вздымаю,
Славу Богу пою, прорастаю...

Татьяна Ткаченко, 29.04.2009

В САДУ

Утро. Сад. Темнеют тени.
Плачет женщина навзрыд.
Чует – кто-то меж растений
Позади её стоит.

И безудержно рыдая,
И надеждою полна,
На Него едва взирая,
Говорит Ему она:

«Здесь, – в гробнице – положили,
А теперь в ней – пустота...
Камень с гроба отвалили,
Крышка с гроба отнята ...

И не знаю... Где Учитель ...
Кем, куда перенесен...
Ты – садовник охранитель –
Видел, где Он положен?..»

Сад. Сереют быстро тени...
Ожидая всё стоит...
А Садовник из растений
К ней: «Мария!» – говорит...

Как? Мария?! ... Показалось?
Нет, то – правда! – «Равви мой!» –
И Мария оказалась
У стопы Его святой.

Плачет, радуясь душою...
Плачет, счастием полна...
«Не коснись Меня рукою,
Дерзновенная жена...».

Утро. Сад. Горы вершина
Ярким заревом горит,
И Мария Магдалина
Уж одна теперь стоит.

Скрылось дивное виденье,
Точно юный, тихий сон,
На душе-же – воскресенье
Сад же негой напоён.

И кадиланицы курений
Благовонием кадят,
Птицы хором песнопений
Пробудить весь мир хотят.

Быстро тают тьмы сомнений,
Тени сада и скорбей.
Под наплывом впечатлений
У природы и у ней!..

*Священник Николай Васильевич Реморов,
1915 год*

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Туча за окном приближалась стремительно. Ещё немного, и она нависла прямо над крышей. Первые крупные капли ударили в стекло, застучали по подоконнику, быстрее, быстрее, и вот уже подвижная стена из тонких струй, подсвеченных солнцем, плясала за окном. Дождь, весенний, яркий, как же здорово, он сейчас окончательно смоев всю накопившуюся грязь, надоедливый песок, доест остатки тёмного снега. Аня распахнула окно, и дождь долгожданным гостем ворвался в комнату, рассыпался брызгами по полу. Она протянула к нему руки и засмеялась.

— Нюта, ты чего? — заглянула в комнату Светлана. — Мокро же будет.

— Мокро — вытрем! Дождь! Весёлый, живой! — Аня и сама не могла понять, почему ей так весело. Как в детстве. И даже сердце сладко замирает в счастливом ожидании. Чего? Неизвестно. Но эта неизвестность не пугает, а радует.

— Сколько можно сидеть с кислыми лицами! Весна на улице, — продолжала изливать свои восторги Аня. Или Нюта, как привычно звали её домашние.

Светлана решительно прошла к окну, с убедительным стуком закрыла створки, вытерла лужу на полу. Повернулась к сестре и строго сказала:

— Не вижу повода для радости. Нам выходить через полчаса. Будем похожи на мокрых куриц. Вон как поливает.

— Да дождик закончится к тому времени. Это же весенний дождь! И потом, какие из нас курицы? Мы с тобой по комплекции больше на воробьев тянем.

Сёстры действительно были маленькими и хрупкими. В остальном же более несхожих близнецов трудно было найти. Нюта — светловолосая, с волосами пушистыми, как одуванчик, и с характером таким же лёгким и неутомным. Светлана — с длинной тёмной косой, медлительная, серьёзная и задумчивая. Это не мешало им отлично ладить между собой. Нюта ещё покружилась по комнате, напевая вполголоса, потом бросила взгляд на часы.

— Иду-иду, — ответила она на возглас Светланы, — у нас ещё полно времени.

Когда девушки вышли из дома, последние капли дождя падали на дорожку. Солнце играло на мокрых крышах, ослепительно отражалось в лужах, в мелких капельках, что повисли на чуть опушённых первой зеленью ветках. Мир сверкал, обновлённый и радостный. Девушки быстро шли по пронизанной солнцем улице. Светлана — сосредоточенно. Нюта вертела головой

и поминутно восхищалась увиденным. Каблочки весело стучали по тротуару, как будто отзвук закончившегося только что дождя.

— Смотри, верба! — воскликнула она.

Светлана тоже остановилась. Это было похоже на чудо. Пушистые серёжки украсились дождевыми капельками, дерево казалось хрустальным.

— Жалко трогать ветки, — сказала тихо Светлана.

— Пусть растут, — согласилась Нюта, — возле храма наверняка будут вербу продавать.

Светлана кивнула, и девушки поспешили к автобусной остановке. Всё легко складывалось в этот день. Они быстро доехали до храма, купили по пучку пушистой вербы у бабушки с добрым улыбочивым лицом, приложились к любимой иконе Богородицы и вбежали на хоры. Вечерня Вербного воскресения радостная, светлая. Пелось легко, голоса сами стремились куда-то под купол и, сливаясь там в слаженное пение, медленно опускались вниз, к умиротворённым молящимся.

— Света, Нюта, на помазание идите первыми, — кивнула им регент.

Сёстры быстро сбежали по крутой лестнице, привычно протиснулись сквозь плотную массу людей внизу. Батюшка улыбнулся особенно тепло:

— С праздником, с праздником!

Теперь быстренько наверх, подхватить торжественное пение. Лица вокруг оживлённые, по-особому добрые.

И вдруг Нюта наткнулась на взгляд. Буквально почти споткнулась, увидев глаза, наполненные горечью и такой болью, что непонятно было, как же человек может понести такую беду. Это длилось всего мгновение, она машинально сделала несколько шагов и потеряла человека из виду.

— Нюта, быстрее, что ты замерла! — сестра подхватила её за руку.

— Так. Потом скажу, — пробормотала Нюта, пытаюсь выглядеть среди людского моря того, кто выпал из общей радости.

Служба продолжалась своим чередом. Нюта вдруг услышала, как в первый раз: «Марфа и Мария сестры Лазаревы, вопиюще к Нему: Господи, аще бы еси был zde, не умерл бы брат наш». Слова оглушили и проникли до самого дна сознания. Если бы ты был здесь... Здесь ли Господь? Как громко нужно вскричать к Нему, чтобы Он услышал? Она продолжала пение со всеми, механически следила за рукой регента. Но мысли были далеко. Последний возглас.

Служба окончена. Усталые, но довольные певчие привычно поклонились друг другу, и тут же начались какие-то разговоры. Про то, что приготовить на завтра, как украсить получше букеты, про погоду, рассаду, словом, обычные, привычные темы. Нюта же слышала эти голоса как сквозь завесу. Праздник, радость. Взгляд, полный невыразимого горя. Где ты, Господи? Как позвать Тебя? Медленно надевала она куртку, поправляла платок на голове.

— Нюта, ты что? — Светлана тронула её за рукав. — Устала? Пойдём, батюшка зовёт.

Сёстры подошли к отцу Сергию, терпеливо дождались своей очереди. Как обычно, у десятка прихожанок нашлись важные и неотложные вопросы. Батюшка отвечал терпеливо, никого не торопил, хотя и было заметно, что утомлён. Он махнул рукой, подзывая девушек.

— Страстная неделя впереди. Понимаю, что хотелось бы её провести в храме. Но вот попросили у нас помощи. Детский онкологический центр. Недалеко от нас они находятся, на соседней улице. Детки там лежат подолгу, и не все из них с родителями. Лечение, сами понимаете, непростое, тяжелое. Но дети есть дети, им и учиться надо, и повеселиться иногда, как только полегче становится. Да просто забыть на время о своей болячке. Словом, просят они волонтеров-студентов, на пару недель. Начинать надо уже завтра. Телефон вот запишите. Словом, благословляю вас на труды.

Сёстры выросли в храме. Никогда за свою не слишком долгую жизнь они не усомнились в правильности такого мироустройства. Молитва, служба, пение. Евангелие каждый день. Жизнь по церковному уставу. Сначала с бабушкой, потом уже сами. На клиросе с десяти лет. Это не мешало ни учёбе, ни общению. Батюшка благословил — надо исполнять.

Притихшие сёстры шли по темнеющей улице. Пахло весенней свежестью, влажной землёй и ещё чем-то неуловимо-нежным, тёплым.

— Страшновато как-то, — сказала Светлана, — одно дело к детям в школу на практику прийти. И другое — к таким больным. Как с ними разговаривать?

— Не знаю... Помнишь, на психологии ещё на втором курсе нам рассказывали, что дети по-другому относятся к болезни. Нет в них обречённости. Прошли процедуры, полегчало — и они становятся обычными детьми. Наверное, надо им побольше радости принести.

Нюта помолчала и тихо произнесла:

— Сегодня в храме меня как обожгло: такой взгляд увидела. Не знаю, кто это был, но мука и боль как будто целиком несчастного накрыла. Или несчастную, не знаю. А потом вот про

Марфу и Марию, как они ко Христу кричали. Не случайно это было.

Утро воскресного дня встретило редких прохожих дождём. Светлана поёжилась:

— Вымокнем, пока до автобуса добежим.

— Бежим-бежим, — подхватила сестру Нюта и увлекла её по мокрому тротуару, прямо по лужам, к автобусу, что терпеливо ждал их на остановке.

Служба, радостная, светлая, с вербами, с детьми, с белым убранством храма, со слаженным пением, настроила душу на праздник. А сытная трапеза и вовсе утешила. Однако бумажка с телефоном, что лежала на дне сумочки, не давала полностью погрузиться в атмосферу праздника.

— Кто будет разговаривать? Давай я, — предложила Светлана и решительно набрала номер.

— Здравствуйте, мы волонтеры, из храма. Да, готовы. Да, хорошо, завтра после 14. Да, мы понимаем, согласны. Спасибо. До завтра.

— Ну что? — нетерпеливо тронула сестру Нюта.

— Нас ждут к тем детям, которые учатся. Они не лежат, но быстро устают. Поэтому нам надо проводить занятия так, чтобы уложиться в 30 минут. Нам надо провести по три урока, с перерывами. Потом, если будет желание и время, можно поиграть с малышами. Да, мы полностью переоденемся в стерильную одежду. Рядом будет медсестра. Она подскажет, что и как делать. Дети двух возрастов. Четвертый класс и шестиклассники, всего восемь человек.

Прозвучало это буднично, просто. Но Анне показалось, что даже воздух, напоенный весной, стал гуще и тревожнее.

...

— Здравствуйте, ребята! Меня зовут Анна Васильевна, и сегодня я проведу у вас несколько уроков. Первый урок — математика.

Четыре пары глаз внимательно и оценивающе посмотрели на Нюту. Ух! Но, в общем, примерно как в школе, где они недавно были на практике. Если забыть, как они шли в отделение, тщательно переодевались, да ещё не обращать внимания, что дети в больничных пижамах и девочки не с модными причёсками, а с ёжиком едва отросших волос на головах. Да что это она! Надо собраться и начать урок. Но Нюта вдруг почувствовала, как горло сжимают подступающие слёзы. Неожиданно помощь пришла в лице мальчишки лет 10—11. Он развернул тетрадь и громко прочитал:

— Тема — деление с остатком. Мы её начали, но пройти до конца не успели.

— Спасибо тебе, — искренне поблагодарила Нюта, — давайте познакомимся для начала.

Мальчика звали Тёма, а девочек — Соня, Маша и Даша. Нюта, будущий учитель математики, с удовольствием подхватила тему про деление. Через несколько минут она перестала думать о том, что перед ней некие особые дети. Тёма слушал, записывал, активно вступал в диалог, нетерпеливо тянул руку. Соня, похоже, пропустила тему, и ей нужно было объяснять с самого начала. Маша уже всё поняла, и то и дело пыталась забежать вперёд. Даша частенько отвлекалась, поглядывая в окно или украдкой рисовала что-то на последней странице тетради. Словом, обычный класс, только в миниатюре. Урок пролетел быстро. В комнату заглянула бдительная медсестра.

— Перерыв! Мальчики-девочки, у вас перекус!

Посмотрела на тоненькую Нюту и решительно добавила:

— И у педагога тоже!

Дети оживлённо загалдели, как обычно школьники на перемене, разобрали йогурты. Тёма спросил:

— Анна Сергеевна, вы какой больше любите?

Нюта слегка растерялась — Страстная же неделя идёт. Но потом быстро нашлась:

— Мне лучше чай с мёдом, это для горла полезно. А то не смогу провести все уроки.

Мальчик понимающе кивнул. Дети двигались как будто чуть заторможенно, осторожно. Перекусив, Соня и Маша разложили пазлы на столе, Даша отошла к окну, за которым опять моросил дождь, Тёма же деловито сновал от Нюты к девочкам и без конца спрашивал:

— Анна Сергеевна, а вы долго будете у нас работать? Вы ещё учитесь в институте? А математику правда любите? У нас Маша тоже математику любит, она быстрее всех схватывает. А Даша рисует здорово, правда, Даш? Соня истории разные сочиняет, просто дух захватывает.

— А что любишь ты? — спросила Нюта, втягиваясь в разговор.

— Я, — Тёма замылся, потом улыбнулся, — вообще-то спорт люблю, плаванье. Вот долечусь и буду готовиться к соревнованиям.

Сероватое лицо, тёмные круги под глазами, круглая голова без волос. Какие соревнования?! Нюта опять ощутила предательский спазм. Тёма, похоже, догадался о её состоянии. Он взмахнул руками:

— Я много чего люблю. И читать, особенно фэнтези разные, и задачи решать, у меня даже специальный сборник есть «Занимательная математика».

— Фэнтези — это не круто, — авторитетно заявила Маша, — вот нон-фикшен — это да!

Разговор о книгах плавно перетёк в урок литературы. Потом — естествознание. Нюта почти не замечала, что её ученики тяжело больны. Глаза светились живым интересом, вопросы не оставались без ответа. Время пролетело быстро.

— На сегодня всё! — весело сказала Нюта. — Вы все молодцы. Домашнее задание у вас есть. Соня, если не всё получится в математике, не расстраивайся. Завтра разберёмся.

— Я помогу, — заверила учительницу ответственная Маша.

— Лекарства принимать пора, — заглянула в комнату улыбочивая медсестра, протягивая каждому из детей по пластиковому стаканчику. Тёма деловито и буднично высыпал содержимое из нескольких разноцветных пилюль в ладонь, налил воды из кулера и разом привычно проглотил. У Нюты опять сжалось горло. Торопливо попрощавшись, она вышла в коридор, отошла подальше и прижалась лбом к холодному оконному стеклу. Нет, не понять ей, не постичь своим малым разумом, почему эти дети, хорошие, умные, мечтающие, страдают. Мелкий дождик брызжет за окном, как слёзы, стекают капельки с мокрых веток. Где Ты, Господи!?! Ей хотелось прокричать это прошение в полный голос.

В коридор выглянула Светлана, подошла к сестре, положила руку на плечо:

— Нас ждут малыши, поиграем с ними часок.

Нюта прерывисто вздохнула и первая пошла по коридору в сторону игровой комнаты. Оттуда доносился разноголосый щебет.

— Птичья палата, — улыбнулась молодая врач, пропуская девушек в дверь.

По всей комнате были разложены яркие игрушки. Вокруг них весело копошилась малышня от четырёх до шести лет. Компания мальчиков строила замок из больших кубиков, девочки играли в кукольном уголке, а на кухне с почти настоящей печкой с удовольствием играли все. Светлану и Анну тоже приняли в игру. Они помогли сварить кукольный обед, переодеть игрушечных принцесс к балу и приладить сложную крышу к замку.

— Приходите завтра, ещё поиграем, — провозжали их малыши.

Девушки медленно шли к храму. Нюта, против обыкновения, была молчаливой и задумчивой. Уже на паперти она повернулась к Светлане и спросила с болью:

— Почему? Ты можешь это понять?

— Я — нет, — покачала головой сестра. — Но мы можем просить о них у Господа.

После службы Анна решительно направилась к отцу Сергию.

— Батюшка! Вот скажите...

— Не знаю, — ласково и твёрдо остановил он

девушку, — и никто из живущих не знает. Точно знаю только одно — Он страдает с каждым из нас.

— Но как терпеть такую несправедливость! — почти закричала Нюта.

— Не надо терпеть, надо со злом бороться. Побеждать его добром. Болезнь — зло, Господь же зла не творил. Просто живите рядом с этими детьми, учитесь у них терпению и добру, молитесь за них и их родителей. Ничего другого я вам не скажу.

...

— Анна Сергеевна, а послезавтра Пасха! Вы знаете? — спросил Тёма, собирая тетради после занятий.

— Конечно. А хотите, мы с вами Пасхальный тропарь выучим?

Нюта встала посередине класса, высоко подняла голову, вдохнула и запела негромко и глубоко: «Христос воскрес из мертвых...». Раз, другой, и вдруг дети подхватили это пение. Сначала неслаженно, но потом всё уверенней. На славянском, потом, вслед за учительницей, на греческом. Их глаза разгорелись, даже подобие румянца появилось на обычно бледных личиках.

— Как вы думаете, что такое Пасха? — спросила Нюта своих учеников.

— Это вечная жизнь, — тихо ответила Маша.

— Мы с сестрой обязательно придём к вам в Пасхальный день, — твёрдо пообещала Анна Сергеевна.

Вечер Страстной пятницы. Несут вокруг храма Плащаницу, и дождик плачет вместе с учениками Христовыми, с женами-мироносицами, со всем миром. Творец убит своим неблагодарным творением! Как это вместить в сердце? «Благодарный Иосиф с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями, во гробе нове покрыв положи», — поёт Анна вместе с хором. Они подходят к дверям храма. Нюта подняла голову и вновь увидела тот страдающий взгляд. Женщина лет сорока, незнакомая. Их глаза встретились. Нюта решительно подошла к ней.

— Что я могу сделать для вас? — спросила она просто.

Женщина покачала головой.

— Наверное, уже ничего. Впрочем, видно, вы постоянно в храме бываете? Помолитесь об отроке Виталии. Десять лет сыночку было, только десять. И вот не стало... И мне жить теперь нечем. Может, и обо мне когда-нибудь помолитесь, о Наталье.

Нюта взяла женщину за руку и начала рассказывать про Тёму и девочек, про малышек из

Птичьей палаты, про Христа и его непередаваемо страшную смерть, про то, что тяжелобольные дети ждут Пасху и верят в жизнь вечную. Она видела, как постепенно мёртвая безнадежность уступала место тихой грусти.

— Я знаю их, — тихо сказала Наталья, — мой мальчик лежал в этой больнице. Мы издалека приехали, думали, что помогут. Ничего не вышло.

— Пойдёмте к нам, — сказала подошедшая Светлана, услышав, что женщина живёт в гостинице.

— Не помешаю?

— Мы вдвоём живём. Бабушка умерла три года назад, когда мы в институт поступили. А родители разбились в автокатастрофе. Мы их почти не помним, — ровным голосом ответила Нюта.

...Пасха! Радостно, во весь голос, звучит: «Христос воскрес из мертвых!» Церковный двор полон народа. Царские врата открыты, мелькают красные одеяния священников. Пасха! Ликут Анна и Светлана, подпевают хору Наташа, громогласно возглашает отец Сергей. Воскрес Христос! Унялся к вечеру весенний дождик, как будто осушились от радости слёзы у всего тварного мира. Как одно мгновение пролетела Пасхальная служба. Втроём, умиротворённые, идут домой Нюта, Светлана и Наталья. Их дом теперь станет и её домом.

— Как у тебя получилось такую гору куличей напечь! — удивляется Нюта.

— Это дело нехитрое, — отвечает Наташа, и на её лице сёстры впервые видят лёгкую улыбку.

— Утром пойдём радовать наших учеников. Ждут они нас, — говорит Светлана.

— И я с вами, — тихо сказала Наталья, — к детям.

— Христос Воскресе! — хором приветствуют Анна и Светлана своих учеников.

— Воистину Воскресе! — Отвечают они дружно.

Из-за плеча Светланы выглянула Наталья. В руках у неё корзина с аккуратными нарядными куличами. Куличей много, хватит на всех.

— Тётя Наташа! — это Тёма увидел женщину и потянулся к ней.

Наталья вздохнула и погладила мальчика по голове. Улыбнулась, почувствовав под рукой колючий ёжик. Волосы отрастают — хороший знак.

— Я часто буду к вам приходить, — пообещала она, — на работу сюда устраиваюсь.

И отступила боль, загорелись глаза надеждой и верой. Христос воскрес, и смерти нет больше.

Елена Попова

С помощью Божией и под руководством настоятеля прихода протоиерея Александра Реморова и куратора строительства — протоиерея Виктора Бабкина продолжается строительство нашего Приходского дома на территории около Сергиево-Казанского храма. Оно начато в июне 2015 года, и ведется уже седьмой год на наши с вами пожертвования и средства благодетелей.

Сделано уже очень много! Всю зиму уже работало отопление, недавно на кухне на пол уложена плитка, сделана разводка электросетей и труб канализации, а сейчас идут внутренние отделочные работы. В ближайшее время необходимо закупить кафель на стены в кухне (120м²), клей, шпат-

лёвку, двери, сделать перила, ступени у лестницы, подвесные потолки. Желающие могут участвовать в этом благом деле! Просим молитвенной и материальной поддержки!

Дай нам, Бог, завершить строительство к 30-летию нашего прихода (август 2022 г). Приходской дом давно необходим прихожанам. В здании планируется проводить занятия Воскресной школы, семейного клуба «У Самовара», клуба «Ковчег», здесь будет размещена библиотека с читальным залом, просторная трапезная, просфорня. В доме будут проходить концерты и выступления.

Пожертвования просим перечислять по следующим реквизитам:

Получатель:

Приход храма в честь Иконы Божией Матери Казанская р.п. Краснообск НСО.

ИНН: 5433102844

р/счет: 40703810044030100112 в СИБИРСКИЙ

БАНК ПАО СБЕРБАНК г. Новосибирск

кор./счет: 30101810500000000641

БИК: 045004641

Назначение платежа:

Пожертвование на уставную деятельность.

Или через специальную форму на сайте храма:

<http://skh.su/blagotvor/>

Справки по телефону: (383) 348-5821

Уважаемые читатели, просим Вашей поддержки!

Пожертвовать на издание нашего журнала можно пополнив счет редакционного телефона 8-923-101-5852, телефон привязан к карте.

Журнал «Православная семья», издание Новосибирской епархии Русской Православной Церкви. Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви, свидетельство — 115 от 01.08.2011 г.

Главный редактор: протоиерей Дионисий Михалев. Редактор: Лютина Ю.В. Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В. Фото на обложке Каргаполовой Екатерины из архива 2011 года. Корректор Гаряева Марина. Дизайн и верстка: Бориско Наталья.

Тел. (383) 348-5370, 308-75-03 www.skh.su e-mail: kat150171@gmail.com

Отпечатано в типографии ООО «Печатный дом-Новосибирск». Тираж 999 экз.

Подготовлен прихожанами прихода в честь иконы Божией Матери «Казанская» п. Краснообск. Издается на пожертвования прихожан.

Просим молитв о здравии рабов Божиих: протоиерея Александра, матушки Татианы, протоиерея Дионисия, матушки Наталии, Елены со чадами. Иулии со чадами, Димитрия, Юрия со чадами, Елены, Екатерины со чадами, Сергия, Наталии со чадами, Александра, Марины со чадами, без помощи которых издание нашего журнала было бы невозможно. Ищем постоянных благодетелей.

Просим не использовать журнал в хозяйственных целях.

Если он стал вам не нужен, принесите его в храм или подарите другим людям.

Пасха Христова в Сергиево-Казанском храме р.п. Краснообск, 2021 г.

Крещение Господа и Бога нашего Иисуса Христа, 2022 г.

Праздник для детей Воскресной школы в Сырную седмицу, февраль 2022 г.

Службы Великого Поста, март – апрель 2022 г.

Благовещение Пресвятой Богородицы, 7 апреля 2022г.